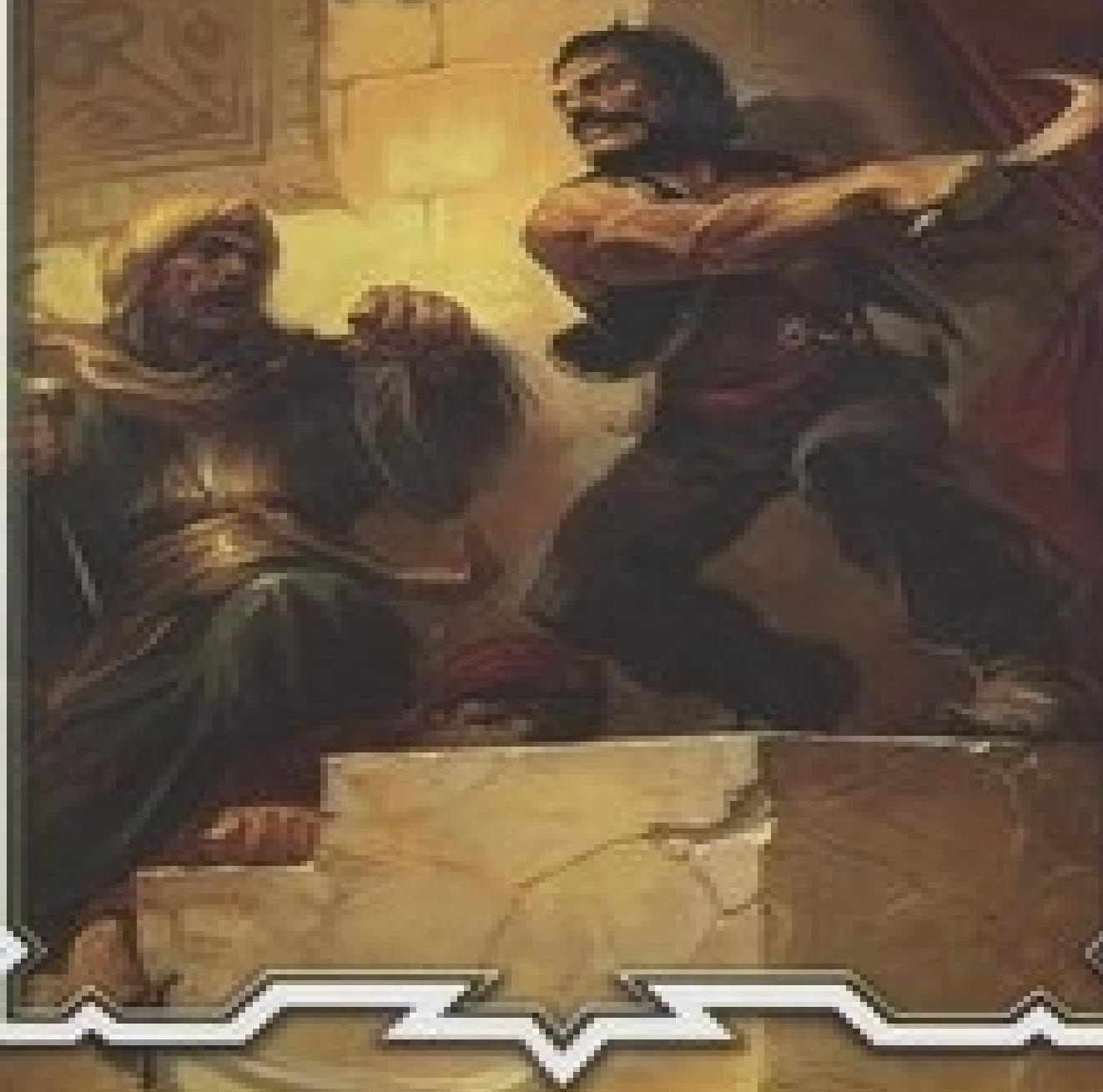

КОНАН И ЗАГАДОЧНЫЙ ДЕРВИШ

Annotation

На рынке Шадизара Конан знакомится с бритунийским путешественником Олдвином. Олдвин наблюдает за таинственным дервишем Загратом и убежден, что он не тот, кем кажется. Конан с Олдвином решают проследить за дервишем в пустыне и узнать его секреты...

•

Дуглас Брайан.

Шадизарский дервиш

(«Северо-Запад Пресс», 2007, том 137 «Конан и загадочный дервиш»)

Глава первая

Бритунец в Шадизаре

Давненько Конан не видал таких забавных людей, как этот бритунец. Точнее, сам бритунец, очевидно, забавным не являлся: он был безукоризненно одет, чисто умыт и держался с очевидным достоинством. Но вот в каком месте он являл все эти пристойные манеры!

Здесь были куда уместнее чумазое лицо, лохматые волосы, обмотанные пропотевшей тряпкой, набедренная повязка или старые штаны, давно нуждающиеся в починке. Ибо действие происходило на одной из самых грязных площадей Шадизара, неподалеку от общественных бань — еще точнее, «на задах» этих самых бань, там, куда сливают нечистоты и где околачиваются бездельники в поисках поживы. А пожива здесь невелика, но случается: кому-то из посетителей бани требуется носильщик, кому-то нужно срочно — ну вот позарез просто! — передать сообщение деловому партнеру, а как это сделать, ежели человек сидит в воде, распаренный и голый? Вот тут-то и прибегают банные служки и нанимают за медную монетку кого-нибудь из околачивающихся поблизости.

Хотя, конечно, подобные поручения никогда не исходят от местных жителей. От тех, кто знает толк в отдыхе и никогда не позволит себе прервать удовольствие ради каких-то там деловых операций. Все это приезжие, торговцы с севера и запада, — эти глупцы всегда беспокоятся о делах.

Истинный житель Шадизара знает: пока господин расслабляется в бане, дело само тихо катится в нужном направлении.

Но без этих глупцов с запада и севера не было бы и мелкого заработка. А сколько всего можно украсть у подобных разъяв!

Конан не интересовался мелочными заработками. И мелкие кражи тоже мало занимали

киммерийца. Он просто проводил здесь время, держа лепешку с острым сыром в одной руке и небольшой мех с местным, чуть подкисшим вином, — в другой. День был жаркий и долгий.

Бритунец же предлагал неплохое развлечение. И к тому же, совершенно очевидно, этот человек богат. Вон, кое-кто уже облизывается, рассматривая бритунца как легкую добычу. Разве что слюни у здешних воров не текут.

Конан оценивал тех, кто положил глаз на беспечного богатея. Шансов у них мало. Точнее, у этих воришек были бы кое-какие шансы — и, возможно, даже недурные, — но только в том случае, если бы поблизости не оказалось Конана. А Конан — здесь, рядом. И потому... простите, ребята, сегодня не ваш день.

Бритунец откровенно восхищался всем, что ни дел. То и дело он хватался за восковые таблички, которые носил у пояса, — там, где все нормальные люди носят нож в хороших ножнах. Быстро царапая остро отточенной палочкой по восковому покрытию, бритунец делал какие-то заметки, а потом медленно засовывал их обратно.

Конану даже стало любопытно: что можно записывать здесь, в жаркий день, на грязной площади позади общественных бань в Шадизаре? Какие важные мысли посещают бритунца? А мысли, судя по всему, достаточно важные, иначе он бы так не боялся их растерять.

Единственное, что приходило в этом случае на ум Конану, были соображения касательно клада. Положим, начал фантазировать варвар, этот щеголь из Бритунии узнал о том, что где-то поблизости находится некое сокровище. Он анализирует в уме все полученные, на сей счет сведения. И тотчас заносит их на таблички, чтобы потом сопоставить с уже имеющимися и сделать окончательные выводы.

Конан ухмыльнулся. Да уж, все эти ворюги будут иметь жалкий вид, когда за дело возьмется Конан-варвар!

Между тем бритунец остановился перед Загратом-дервишем и, как ребенок, разинул рот от удивления. Заграт приходил на эту площадь нечасто — только в тех случаях, когда у него возникала большая нужда посетить баню. Тогда он давал небольшое представление — зрители никогда не отказывались кинуть ему монетку-другую — и, собрав нужную сумму, отправлялся мыться.

В банях Заграта хорошо знали. У него даже имелся «собственный» банщик — человек, очень гордившийся привилегией обслуживать «кудесника».

Но сегодня у Заграта появился новый зритель. Конан переместился поближе к бритунцу, чтобы улучить миг и стащить восковые таблички. Если на них записано то, о чем подумал варвар, то у них с бритунцем скоро появится тема для интересного разговора.

Между тем Заграт расстелил в пыли свой старенький истрепанный коврик и уселся, скрестив ноги. Его тотчас обступили любопытные. Заграт не спеша снял с плеча мешок и вытряхнул оттуда горсть битого стекла. Солнце заиграло на пестрых полупрозрачных гранях, разбрасывая повсюду яркие блики. Пятна радужного света прыгали по лицам стоявших поблизости зрителей.

Один особенно назойливый — а может быть, отважный? — солнечный зайчик даже запрыгнул в глаз Конана, и этот глаз тотчас вспыхнул ледяным синим светом, напоминающим сияние снегов на вершинах киммерийских гор. Конан моргнул, и зайчик исчез.

Зачерпнув горсть битого стекла, Заграт-дервиш отправил его в рот и принялся с хрустом жевать. Даже привыкшие к его представлениям шадизарские жулики разразились криками ужаса и восторга. Что же тут говорить о бритунце! Он ахнул, схватился за щеки и покачал головой, а затем потянулся к поясу, чтобы снять таблички и сделать еще пару заметок. Очевидно, увиденное бритунец счел бесценным...

Но что это?

Его рука схватила пустоту! Там, где только что были дорогие его сердцу таблички, теперь не оказалось решительно ничего.

— Это катастрофа, — сказал бритунец, обращаясь сам к себе. Он отступил на пару шагов и внимательно осмотрел пыль у себя под ногами на тот случай, если по неосторожности выронил таблички.

Но и в пыли под ногами они не обнаружились.

— Боги! — вздохнул бритунец. — Как такое могло случиться? Где же я потерял их?

Конан наблюдал за ним со стороны и никак не мог решить для себя: то ли этот человек нарочно разыгрывает комедию, чтобы сбить вора с толку, то ли он и в самом деле настолько наивен, что вообразил, будто сможет продержаться в шадизарской толпе дольше колокола и не быть обокраденным.

И тут он заметил, что бритунец смотрит прямо на него.

«Проницателен, как демон!» — подумал Конан, сохраняя, однако, невозмутимое выражение лица.

— Любезный! — окликнул его бритунец. — Ваш облик заставляет меня предполагать в вас честного человека...

— Э? — проговорил Конан с таким видом, словно он был очень недоволен тем, что его отвлекают от важных мыслей и интересного зрелища.

— Видите ли, — непринужденно продолжал бритунец, — со мной случилась нелепейшая история. Я где-то обронил мои восковые таблички. На них нет ничего особенного — так, мысли по поводу и вовсе без повода, но все же они ценные для меня. Вы случайно их не замечали где-нибудь поблизости? Я был бы вам очень обязан...

Конан молчал. «Как это он сразу догадался? — мелькало у него в мыслях. — Неужели я плохо сработал? Но в любом случае таблички у меня, и этому толстосуму придется раскошелиться, чтобы получить их обратно».

Тем временем дервиш продолжал невозмутимо жевать стекло.

Бритунец подошел поближе к Конану и указал на дервиша:

— Поразительное по силе зрелище! А вас, я гляжу, не слишком впечатляет?

— Ну, — сказал Конан, — я всякого навидался. Да.

Бритунец приподнял бровь, но промолчал.

Дервиш наконец покончил со стеклом и высунул язык, чтобы показать, что он не поранился. Обступившие его зрители разразились криками и аплодисментами, в глиняную плошку для сбора подаяния полетели медные монетки.

Заграт бесстрастно наблюдал за этим дождем изобилия. Когда монетки иссякли, а восторги зрителей углеглись, Заграт продолжил представление. Он вытащил из своей котомки десяток гвоздей и молоточек.

— Не хотите ли вы мне сказать, что он будет заколачивать гвозди прямо в свое тело? — прошептал бритунец на ухо Конану, которого, очевидно, уже считал своим приятелем.

Конан покосился на назойливого собеседника.

— Я? — переспросил варвар. — Я ничего не хочу вам сказать.

— Но он сделает это? — приставал бритунец.

— Вероятно.

— Вы же видели это представление не раз. Вы сами мне говорили об этом. А? Ну скажите!

— Ничего подобного! — отрезал киммериец.

Теперь он больше не сомневался в том, что чужак его раскусил. Конану требовалось немного времени, чтобы решить, как действовать дальше.

Заграт взял первый гвоздь, приставил к своей груди и сильным ударом молотка вогнал в

плоть по самую шляпку.

Раздался характерный звук, похожий на чмоканье. Но кровь не выступила, а лицо дервиша осталось невозмутимым. Он потянулся за вторым гвоздем.

Бритунец широко распахнул глаза.

— Невероятно! — прошептал он. — Я слыхал о подобных штуках, но никогда прежде... А вы читали книги Лакоста Джоста?

Конан не только не читал книг пресловутого Лакоста Джоста, но и не слыхал никогда его имени. Он предпочел отойти еще на пару шагов от бритунца. У варвара появился новый план. За этим парнем стоит последить. Пока неясно, что у него на уме, но дайте Конану срок — он скоро все выяснит.

Покончив с гвоздями, дервиш получил еще несколько горстей монет. Конан обратил внимание на то, что бритунец, человек, несомненно, богатый, почему-то не дал дервишу ни монетки.

— Кстати, — заговорил с ним Конан, — отчего вы до сих пор не наградили этого удивительного дервиша? Мне кажется, если он так восхитил вас, вам следовало бы выразить свои чувства более весомо.

— Я никогда не плачу за зрелище, — ответил бритунец с достоинством. Он поднял плечи и поежился, как будто ему было холодно, хотя на площади царила жуткая жара. — Я согласен выкладывать деньги за что-нибудь вещественное. Ведь деньги — это вещь, не так ли? Их можно пощупать в пальцах, подержать на ладони, ощутить их вес. А что

такое зрелище? Пфу!.. Пустота! Сейчас есть — и вот уже развеялось. Эдак мне пришлось бы платить каждому дому, каждому дереву и каждой смазливой мордашке, какие только встречаются на пути. Нет, я не согласен!

— Но Заграт нарочно показывает вам свое умение... — начал было Конан.

Бритунец досадливо перебил его:

— Простите меня, мой друг, за то, что перебиваю вас, но выслушивать подобные глупости для меня так же невыносимо, как внимать звуку ножа, скребущему по стеклу! Это причиняет мне страдание. Вот скажите на милость, где проходит тонкая грань между тем, что подлежит оплате, и тем, что оплате не подлежит?

— Это просто, — ответил Конан, против воли втянутый в спор. — Положим, за представление вы платите потому, что это нарочитое зрелище. А за драку торговок вы не платите, хотя это, быть может, зрелище еще и более забавное, чем выступление артистов, но оно произошло случайно.

— Отлично! А вот теперь представим себе ситуацию публичного дома. Борделя, — заранее торжествуя, произнес бритунец. — Полагаете, я не знаю, какие там царят нравы?

— Полагаю, знаете, — забавляясь, ответил Конан.

— Итак, вы платите так называемой шлюхе за то, что она раздается. Да?

— Да.

— А если вы просто вошли в бордель — вы не платите?

— Нет.

— В некоторых богатых борделях вы платите и за это, — смутился бритунец, поняв, что проигрывает спор.

Конан расхохотался.

— Нужно посещать такие бордели, где не берут плату за вход. Тогда вы будете избавлены от сложных философских раздумий о тонкой грани между тем, за что надо платить, и тем, за что платить не надо.

И вдруг до них донесся тонкий выбириующий крик. Оба замолчали, разом повернувшись к

дервишу.

Заграт сидел, скрестив ноги, и пел на каком-то непонятном языке. Ни одного слова Конан не мог разобрать — он попросту никогда прежде не слышал этого языка. Эта речь звучала таинственно и глухо и, несмотря на жаркий день, от ее звучания мороз пробегал по коже, а волоски на загривке у варвара поднимались дыбом.

Киммериец мельком глянул на чужака — проверить, как тот реагирует на новое «лакомство», приготовленное для публики дервишем. Поведение бри-тунца поразило Конана куда больше, нежели непонятный язык и царапающее слух горловое пение дервиша.

Бритунец позеленел, в его выпученных глазах появился ужас, а из угла полуоткрытого рта потянулась нитка слюны. В этот миг бритунец, доселе любезный, говорливый и явно начитанный человек, показался Конану слабоумным.

Дервиш продолжал голосить, раскачиваясь и вращая головой. Звук разносился по площади, постепенно делаясь все громче и становясь всепроникающим. Слова непонятного языка падали тяжелыми камнями.

Люди на площади заражались этим сумасшествием, одни раньше, другие позже. Кое-кто уже начал приплясывать на месте, другие подпрыгивали и вскрикивали тонкими голосами. Конан озирался вокруг недоумевающе. Что творится с этими людьми? Насколько знал киммериец, Заграт обычно не прибегал к магии.

Да это и не была никакая магия. По крайней мере, Конан бы сразу почувствовал близость колдовства: у варвара было поистине звериное чутье на подобные вещи.

Он решил поговорить с бритунцем.

— Полагаю, сейчас самое время обсудить одну важную для вас вещь...

Бритунец не ответил. Он жадно ловил бессвязные речи дервиша, шевеля губами в такт его пению.

— В общем, я хотел вам рассказать то, что вас непременно должно заинтересовать, — продолжал Конан с нажимом.

Бритунец прошептал несколько слов и свесил голову на грудь. Затем вдруг вскинулся и уставился на дервиша с изумлением и страхом.

— Эй, дружище, да что это с вами? — обратился к нему Конан и тронул его за плечо.

Он сразу ощутил, что бритунца колотит мелкая дрожь. Трясясь все сильнее, тот повернул к Конану помертвевшее лицо.

— Да вы... вы хоть понимаете... — с трудом ворочая онемевшим языком, спросил его бритунец. — Вам хоть ясно...

— Кажется, для вас настала пора освежиться глотком доброго вина, — успокоительным тоном заметил Конан. — Идемте, кое-что обсудим. Ну и успокоимся заодно.

— Нет, нет! — бритунец вырвал руку из пальцев Конана, который уже начал было подталкивать его прочь. — Я должен!.. Мы должны увидеть, убедиться...

— Да в чем?

— Что это действительно то, о чем я подумал... Ах, я не могу вам прямо так все сразу взять и сказать!

Конан с облегчением отметил, что естественные краски постепенно возвращаются на лицо бритунца. Дервиш между тем пел тише и раскачивался медленнее. Очевидно, эта часть представления заканчивалась, и наступал черед следующего фокуса.

— Если речь идет о Заграте, — сказал Конан, — то мы его не упустим. Я могу вам в точности сказать, куда он пойдет дальше, так что мы найдем его в любом случае.

— Куда? — Бритунец уставился на Конана вытаращенными глазами, в которых безумие боролось со страстным желанием все выведать и разузнать в мельчайших подробностях. — Куда

он пойдет?

— Да вот в эти общественные бани, — Конан кивнул в сторону бань. — И проведет там добрую половину дня. Вон сколько денег ему набросали. Этого хватит, чтобы недурно скоротать там время.

— А, — вздохнул бритунец. — В таком случае я рад с вами познакомиться. Меня зовут Олдин. Я путешествую в поисках впечатлений. Позвольте так же узнать ваше имя?

— Конан из Киммерии, — сказал варвар. — Я путешествую просто от нечего делать. Жду, пока освободится подходящий трон, чтобы занять его.

— Мне нравится ваше чувство юмора, — отметил Олдин. Теперь он снова стал самим собой. — Итак, где находится ваша таверна? Я намерен последовать вашему приглашению и пропустить пару кружек вина. Надеюсь, оно будет недурного качества.

— Качество будет такое, какое будет, — буркнул Конан. Он вдруг сообразил, что Олдин почти наверняка попробует устроить так, чтобы за выпивку платил его спутник.

Вот они, начитанные люди, философы, знатоки древних языков! Сперва поиск тонких граней, а потом — попытка выпить за чужой счет.

Ладно, у Конана кое-какой сюрприз припрятан...

Они вышли с площади. Олдин несколько раз оглядывался, но дервиш уже перестал петь и теперь демонстрировал еще один трюк: высаживал на себя голодных скорпионов.

В толпе вскрикивали, шутливо ругались и взмахивали руками; пара скорпионов уже лишилась хвостов и вместе с ними жизни — их убили ударами ножей самые нервные из зрителей, когда те поползли не в ту сторону.

— Он никуда не денется, — повторил Конан свое обещание касательно дервиша.

Наконец Олдин позволил привести себя в небольшую таверну, где гостям, не задавая ни единого вопроса, сразу подали кувшин на редкость скверного пойла.

— Лучшее аквилонское вино! — сообщила хозяйка и продемонстрировала лучшую в шадизарскомворовском квартале походку — с плавным раскачиванием пухлой задницы.

— Поверим на слово, — пробормотал Олдин.

Конан налил себе и приятелю.

— А теперь поговорим о ваших восковых табличках, — сказал киммериец.

Олдин откровенно обрадовался.

— Так вы все-таки имеете некоторое представление о том, где они могут обретаться?

— Да, — сказал Конан. — Разумеется. И более того, я приложу ряд усилий для того, чтобы вы заполучили их обратно. Но вы должны выполнить кое-какие условия.

Олдин помрачнел.

— Что еще за условия?

— Во-первых, вы платите за выпивку. За себя и за меня, — начал киммериец. — Во-вторых, мы с вами все делим пополам.

— Что «все»? — осведомился бритунец. Теперь он утратил некоторую толику своей любезности и с каждым мгновением делался все менее приятным собеседником. Можно сказать, цветок его благовоспитанности увядал прямо на глазах.

— Клад, — в упор произнес Конан. Он решил играть в открытую, поскольку бритунец явно демонстрировал недюжинную деловую хватку, а с людьми подобного сорта путь недомолвок — наихудший из возможных.

— Клад? — переспросил бритунец. — Но я не понимаю, о каком кладе вы... Хотя, позвольте... ну да, конечно! Мы должны немедленно идти в бани!

Он вскочил.

Конан удержал его за руку и властным кивком приказал сесть обратно.

— Мы еще не закончили разговор! — жестко произнес варвар. — Ваши таблички.

— Да, — уgas Олдин. — Боюсь, они утеряны навсегда.

— Они у меня, — сказал Конан. — Я подобрал их. Олдин так и вскинулся:

— Я же говорил, что выронил их по рассеянности!.. Отдайте же их мне скорее, я должен записать... пока не забыл.

— Что на них? — спросил Конан. — Вы получите их обратно не раньше, чем я буду знать их содержание.

— Разве вы их уже не прочитали? — изумился Олдин. — О, вы человек редкой силы воли. Я бы непременно ознакомился с текстом, как только этот текст оказался бы у меня в руках.

— Вам это может показаться странным, — преспокойно заявил Конан, — но я не умею читать. Так, кое-что разбираю. Но не ваши каракули, естественно. Там нет ни одного рисунка.

— Да. — Олдин сжал и разжал пальцы, как бы разминая их перед тем, как начать писать. — Я

охотно прочитаю вам все, что на них написано. А также и другие мои записи. Они у меня в гостинице. В мешке, среди других необходимых в путешествии вещей.

Конан вытащил из-за пазухи таблички и положил их перед Олдином.

— Не вздумайте меня обманывать, — добавил он.

— Обманывать? — Олдин выглядел удивленным. — Напротив, я очень рад возможности поделиться своими сокровищами...

На лице варвара появилось откровенное недоверие. Впервые в жизни он встречал человека, который испытывал радость, принужденный делиться с кем-либо своими сокровищами.

Олдин придинул к себе таблички, погладил их края пальцами, кашлянул и начал читать:

— «Нравы шадизарской толпы представляют причудливое смешение грубости и хитрости, а многие ведут себя так забавно, что я готов простить им даже мерзкую привычку наступить на ноги. Меня толкнули локтями четыре... простите, тут исправлено... шесть раз, а сколько раз просто пнули, проходя мимо, — я не успел сосчитать. И тем не менее я получаю удовольствие от созерцания грубых радостей этих простых людей. Многим из них для счастья бывает довольно лишь пребывания среди себе подобных. Таковы же и крокодилы, если верить Немуару Стигийскому — который, впрочем, был колдуном... (Это неважно, — добавил Олдин). Некоторое время я провел в размышлениях, кто забавнее — человек с бородавкой на кончике носа и волоском на кончике бородавки, или же, напротив, человек с напрочь отсутствующим носом, как бы вплюснутым в лицо ударом кулака. Откуда вообще берутся таковые носы? Положительно, нос — самая уязвимая и одновременно с тем самая смешная часть лица. Этого ни в коей мере нельзя сказать об ушах, хотя оттопыренные иногда и вызывают насмешки окружающих, все же они несопоставимы...»

— И это все? — перебил Конан, не скрывая разочарования.

— То есть? — Бритунец оторвался от своих заметок и устремил на Конана недоуменный взгляд. — Что вы подразумеваете под высказыванием «и это все»? Это только начало длинного эссе, которое я намерен сделать достоянием бритунских аристократических салонов, а может быть, и учебного сообщества! — Он снова уткнулся в таблички. Неожиданно

он рассмеялся. — А как вам, интересно, понравится вот это? «Каждый встреченный типаж заставляет сожалеть о том, что я не владею искусством рисования. Однако это искусство вполне может быть заменено письмом, именно — умением слагать слова

таким образом, чтобы... ну и так далее... Вот интересное. Печальный и твердый взор его ярко-синих глаз поразил меня в первое же мгновение. Какая тайна скрывается в этом человеке? С другой стороны, его манера ухмыляться весьма простонародна, а когда он почесал загривок пятерней, я окончательно уверился в том, что он — простолюдин. И вновь меня разуверила в

этом его благородная осанка. Держать плечи развернутыми, да еще таким образом, свойственно лишь прирожденным аристократам и мужчинам, которые живут за счет своих любовниц. И те и другие врачаются в высшем обществе. Любопытно было бы узнать, какова любовница этого субъекта. Мне давно хотелось прикоснуться к миру, где...»

Олдин оборвал чтение и воззрился на Конана.

— Ну, как вам? Узнаете?

— Что? — удивился Конан, мысли которого уже уплыли далеко от читаемого отрывка. — Что я должен узнавать?

— Описание!

— Очень живописно, — сказал Конан, припомнив то, что обычно говорят в подобных случаях. — Выразительно и выпукло.

— Да, я не ошибся... — пробормотал Олдин, очень довольный. — Манеры и прирожденный аристократизм. Наверняка вы живете на содержании у женщины.

Конан поперхнулся. Он ожидал услышать что угодно, только не такое.

— О чем мы сейчас разговариваем? — спросил он у безумного бритуна очень осторожно. (Олдин — сумасшедший, сомнений нет!)

— Как о чем? О вас! — Олдин показал на таблички и закрыл их. — Когда я стоял на площади, я набросал про вас пару слов. А ведь забавно читать подобные вещи! Я же тогда не знал, что мы станем близкими друзьями.

Конан перевел дух.

Кое-что прояснилось. Во всяком случае, в том, что касалось умственных способностей Олдина.

— Поговорим о сокровище, — сказал Конан.

— Так мы все время о нем и разговаривали! — с жаром воскликнул бритунец. — Я читал вам мои заметки! Это и есть мое сокровище. Разве вы еще не поняли? Сокровище моей мысли, моей наблюдательности. Достояние моей души, можно сказать. И я охотно поделился с вами, по первой же вашей просьбе. Более того, когда я заберу все остальное, вы сможете наслаждаться...

— Ясно, — прервал его излияния Конан. Он ощущал себя обведенным вокруг пальца. Это было неприятное чувство.

— Вернемся к дервишу, — предложил Олдин. — Я бы еще понаблюдал за ним. Дело в том, что он пел... Как, кстати, вы нашли его пение?

— Неприятным, — поежился киммериец.

— Очень точное слово! Определение, бьющее прямо в цель! — Олдин полез за табличками и тщательно записал несколько слов. — Именно что неприятным! Он пел на языке древнего Ахерона. Вы не знали, что когда-то эти земли принадлежали Ахерону? О, заморийцы все прокляты от самого рождения, как бы они ни кичились своим древним происхождением. Тем-то они и интересны...

Конан знал заморийцев как людей, которым не следует доверять ни при каких обстоятельствах. Это были прирожденные воры и жулики. Киммериец так и сказал:

— Клянусь Белом, все они пройдохи!

— Если бы только пройдохи! — Олдин вздохнул. — В пустынях севернее Замбулы, по слухам, некогда обитало племя галгворов, — он произнес на

звание, старательно карталя и придахая, так что слово прозвучало так, словно оно изошло из пасти зверя, а не из человеческого рта. — Галгворы, — повторил он, наслаждаясь. — Они многое сохранили от древнего, погибшего Ахерона. Небольшой народ, затерянный глубоко в пустыне. Никто не может сказать, чем они там питались. Какой-нибудь колючкой, совершенно несъедобной. Но они были. И никто не знает, когда и при каких обстоятельствах они исчезли с

лица земли. Это покрыто тайной.

— А их язык? — спросил Конан.

— Вы смотрите в корень! — воскликнул Олдин. — Ваша покровительница наверняка имеет хороший вкус...

Конан спокойно сказал:

— Если я еще раз услышу что-нибудь о моей покровительнице, то отрежу вам язык и съем его на ужин.

— О, я понял! Прошу простить мою нескромность. — Олдин опустил глаза и немного помолчал, показывая всем своим видом, что он отпускает на волю незримый призрак «покровительницы», которая отныне не станет тревожить его мысли. — Вы зорите в корень, — вернулся он к своей предыдущей мысли. — Речь дервиша! Он пел на языке галгворов. В этом я почти уверен. Правда, до сих пор я видел только записи образцов этого языка и никогда не слышал его звучания, но ошибиться в значении некоторых слов просто невозможно.

— Это более вещественное сокровище, вы не находите? — сказал Конан, щурясь. — Такое, за которое стоило бы заплатить, а?

— Да, — согласился Олдин. — Но возникает второй вопрос: а кто будет платить за это вещественное сокровище, вы или я?

* * *

В конце концов они сговорились о том, что за выпивку заплатят пополам, после чего вернулись на площадь. Заграт уже ушел и, как и предполагал Конан, он отправился в общественные бани, так что киммериец с новообретенным приятелем и компаньоном дружно зашагали прямо туда.

Шадизарские общественные бани представляли собой подземные сооружения, выстроенные над горячими источниками. Их помещения не были особенно большими, однако ощущения тесноты не возникало — места хватало всем желающим.

В банях было светло — яркий солнечный свет проникал сквозь окна, проделанные в потолке. В первом помещении посетители раздевались, оставляя свои вещи под присмотр банного служителя, на редкость волосатого детины, расхаживавшего по своим «владениям» с таким высокомерным видом, будто они действительно искони являлись его вотчиной. Отчасти так оно и было, поскольку и отец, и дед смотрителя здесь работали.

Нынешний смотритель славился своей беспримерной честностью. При нем в банях никогда еще не случалось краж. Разумеется, на это можно возразить, что в общественные бани ходят люди, у которых и стащить-то нечего, но, как любил повторять смотритель, даже если бы сюда явился первый богач из числа вендийских купцов — он бы вышел отсюда таким же замотанным в шелка, унизанным золотыми кольцами и браслетами как и вошел.

Впрочем, пресловутая честность отнюдь не отменяла множества мелких услуг, которые смотритель оказывал своим лучшим друзьям. А Конан-киммериец входил в число избранных.

Точнее, он стал считаться таковым, едва лишь появился в банях вместе с бритунцем и, выудив из кошеля Олдина пару золотых, показал их смотрителю.

— О, мой друг! — поспешил к нему смотритель, низко кланяясь и простирая руки как бы в ожидании неслыханных милостей от всемогущего покровителя.

Конан сжал монеты в кулаке.

Смотритель выпрямился и устремил на Конана честный взгляд широко раскрытых темных глаз.

— Мы желаем навестить бани, — сказал киммериец. — Мой друг, — он показал на Олдвина, — путешествует. Он изучает нравы и обычаи разных людей. Ведет записи.

— Э? — смотритель приподнял брови и сложил их «домиком». Теперь он напоминал ученика, внимающего учителю.

Конан отметил про себя, что у смотрителя имеется несколько выражений лица, припасенных на всякий случай жизни и для каждой ситуации. Набор случаев и ситуаций, очевидно, был у смотрителя весьма ограничен. Сейчас он пытался понять, с каким именно феноменом он столкнулся и перебирает последовательно наиболее подходящие гримасы.

— Итак, мой друг бритунец, господин Олдвин, желает посетить общественные бани Шадизара, — продолжал Конан. — Ия хотел бы, чтобы у него остались наилучшие воспоминания об этом.

— Это запросто можно устроить, — заявил смотритель, с облегчением помещая на своей физиономии широкую дружескую улыбку. Он наконец понял, что от него ожидают услуг и любезностей и готовы оплатить хорошее поведение парой золотых.

— Нам нужно чистое белое покрывало, кусок мыльного корня и... взглянуть на вещи дервиша Заграта, — продолжал Конан.

Не переставая улыбаться, смотритель заметил:

— Уже десять поколений моих предков служили в этих банях. И ни разу за все эти века ни одна вещь здесь не пропала. Гости никогда не бывали недовольны. Все и всегда счастливы видеть нас, потому что мы...

— Да, да, — перебил Конан, — я знаю, что ты честен, как и всякий замориец.

В последней фразе варвара таилась злая ирония: ни один народ во всем Хайборийском мире не пользовался такой скверной репутацией лжецов, воров и проклятых злослужителей, как заморийцы. Однако сами они, потомки древнего народа, полагали себя людьми высшей расы и держались соответствующе, особенно перед чужаками.

— И коль скоро моя честность не должна подвергаться ни сомнениям, ни испытаниям... — продолжал смотритель одежду.

— Никто не намерен подвергать твою честность испытанию, — перебил Олдвин. Он счел, что Конан слишком медлит при ведении переговоров. Дело-то пустяковое! И что это киммериец вздумал разводить долгие дискуссии? Не лучше ли сразу сообщить, что именно требуется от этого полуголого банщика!

Конан остановил приятеля движением руки.

— Я вовсе не желаю ничего здесь украдь, — сказал киммериец возмущенно.

Смотритель чуть отступил от него, шлепнув по влажному полу босой ногой.

— Я ведь не знаю, что у тебя на уме, чужеземец.

— Всего лишь взглянуть на одежду Заграта-дервиша, — был ответ.

— Взглянуть? — переспросил смотритель.

— Брось притворяться! Не ломайся, ты ведь не девственница в лапах разбойников! — взорвался Конан. — Можно подумать, ты никогда не оказывал таких услуг своим друзьям, когда они заходили в баню...

— Сейчас я, кажется, припоминаю один похожий случай, — как бы между делом заметил смотритель. — Да, это был очень похожий случай, если не считать одного различия. Небольшого, но существенного отличия.

— Какого? — нетерпеливо спросил бритунец.

Смотритель устремил на него пронзительный взгляд.

— В том случае, о котором я вдруг вспомнил, речь шла не о двух золотых, а о пяти. Полагаю, мы могли бы подстегнуть мою память... Мне лучше думается, когда обстановка в точности

повторяется...

— Дайте ему пять золотых, — обратился Конан к бритунцу. — Скорей! Не будем терять время!

Олдин выложил пять золотых. Смотритель взял их быстрым, уверенным жестом. Конан мог бы поклясться, что это движение смотритель бань повторяет в тысячный раз. Да от предков наверняка кое-что унаследовал. Хватку — это уж точно.

— Вот его вещи, господа! — Смотритель подвел Конана и его спутника к кучке неопрятного тряпья, сброшенного прямо на пол. — Погодите, не нужно их ворошить!

— Лично я не намерен к ним прикасаться! — прошептал бритунец. — Даже интерес к чужим нравам и обычаям не вынудит меня трогать эти кошмарные лохмотья.

— Я должен запомнить, как они лежат, — пояснил смотритель, — чтобы потом, когда вы закончите, вернуть одежду ее, так сказать, изначальное состояние. Мне совсем не нужно, чтобы посетитель был недоволен. Он вообще не должен догадаться о том, что кто-то нарушил покой его вещей, покуда сам он наслаждался услугами нашей купальни.

Конан весело фыркнул, а на лице бритунца появился ужас.

Возможность порыться в барахле дервиша больше не представлялась ему такой уж заманчивой. Конан, напротив, предвкушал нечто необычное и, несомненно, интересное.

Киммериец наклонился над тряпками. Олдин тронул его за плечо.

— Осторожней! — произнес он.

Конан повернулся к нему.

— Что такое?

— Разве вы не видите?

Он указал на лохмотья дервиша. По тряпкам медленно, с достоинством перемещалась огромная вошь: Из складок деловито выбралась другая и присоединилась к первой.

Конан поворотил тряпки ногой, и вдруг что-то звякнуло среди ветоши. Киммериец быстро протянул руку и схватил некий маленький предмет.

Смотритель одежду наблюдал за ним ревниво.

— Ничего не красть! — повторил он, беспокойно ворочая головой на тонкой шее. — Все положить как есть обратно!

Конан ухмыльнулся и, не обращая внимания на смотрителя, показал Олдину находку. Это был ножной браслет, до того засаленный и почерневший от толстого слоя жирной грязи, что невозможно было рассмотреть, из чего он сделан.

Не успел банщик повторить — наверное, в десятый раз, — свое предупреждение, как Конан уже вытащил кинжал и снял толстую полоску грязи с браслета.

Блеснул желтый металл, и солнечный луч с готовностью заиграл на его поверхности.

— Золото! — прошептал банщик. Он дрожал с головы до ног и то и дело бросал испуганные взгляды в сторону входа в парильни, где, очевидно, сейчас находился дервиш. — Это же золото!

— Чистейшее! — весело подтвердил Конан.

— Но вы испортили вещь! — запричитал банщик.

— Погоди, — остановил его Конан, поскольку он уже протянул руку, чтобы схватить браслет и положить его обратно в кучу тряпья. — Коль скоро мы уже тут похозяйничали, позволь нам насладиться плодами наших трудов.

— Меня убьют! — бормотал безутешный смотритель одежду. — Мне отрежут голову и выставят ее на площади, потому что я — позор моих предков и всей моей честной семьи! Мы всегда славились нашей честностью!

— Ну да, как все заморийцы, — повторил свою несмешную шутку Конан. — А теперь отойди.

— Добавьте пару монет за риск, — сказал смотритель совсем другим тоном.

Зачем тебе еще пара монет, если тебе все равно отрежут голову? — рассеянно осведомился киммериец, поворачивая браслет дервиша у себя перед глазами.

Олдвин тоже захотел разглядеть эту вещь поближе.

— Позволь, — он забрал браслет у своего приятеля. — Мне кажется, здесь интересные узоры...

Некоторое время он изучал браслет, а затем вернул его смотрителю одежду. Тот, едва не плача, подобрал с пола срезанную Конаном полоску грязи и, послюнив ее, попытался прилепить «на место».

— Это те самые письмена, — прошептал Олдвин на ухо Конану. — Знаки исчезнувшего народа.

— Вероятно, этот народ не такой уж «исчезнувший», коль скоро его представитель свободно расхаживает среди нас и ни в малейшей степени не похож на призрака, — возразил Конан.

— Я полагаю, он попросту отыскал в пустыне «спрятанный город», — отозвался бритунец. — Проклятье! Я бы все отдал, лишь бы поглядеть на него хоть краешком глаза. По легенде, сокровищ там должно быть видимо-невидимо, — добавил он, желая заинтересовать Конана.

Конан пожал плечами.

— Для начала заплатим за вход в бани и хорошенъко искупаемся, — предложил он. — А заодно поглядим на Заграта.

— Он же там голый! — всполошился бритунец.

— Разумеется, голый, — кивнул Конан. — Его одежда кое-что нам уже поведала, теперь посмотрим, что сумеет рассказать нам его кожа.

— Забавный факт, — задумчиво протянул Олдвин, — я всегда считал, что голый человек ничего рассказать не может. Что самые важные сведения о нем содержатся в его одежде.

— Одежда — только часть облика, — возразил Конан. — Переодень богача нищим — и не узнаешь его... если будешь смотреть только на одежду.

— Ну, лицо-то я как-нибудь разглядеть сумею, — обиделся Олдвин.

— Если дашь себе такой труд.

Они разделись, оставив свои вещи под заботливый надзор смотрителя. Конан шепнул тому еще пару слов, когда Олдвин оглянулся, и смотритель, завладев маленькой медной монеткой, весело кивнул. Он выглядел совершенно утешенным после инцидента с браслетом.

Конан и Олдвин вступили во внутренние помещения бани.

Их сразу встретили гостеприимные клубы пара. Пар исторгала большая жаровня посреди бани. На нее то и дело плескали воду из ковшей с длинными рукоятками. Поодаль бурлил горячий источник. Его воды были заключены в квадратный бассейн, и десяток голов с блаженными улыбками, застывшими на лицах, плавали на поверхности.

— Вот лица десяти купальщиков, — Конан подтолкнул Олдвина под руку, — ты видишь их вполне отчетливо, не так ли? И которое же из них принадлежит Заграту?

Олдвин пожал плечами.

— Вон то, с краю. В углу, рядом с ароматической курильницей. Видишь?

Конан кивнул.

— Ты действительно умеешь смотреть людям в лицо, — признал он. — Что ж, это говорит в твою пользу, Олдвин. А теперь — мой совет: веди себя совершенно естественно. Ты слишком напрягаешься.

— Я впервые в подобном заведении, — зашептал Олдвин ему в ухо. — Как же мне держаться естественно? Для меня здесь все неестественно.

— В таком случае, будь собой: иноземцем, которому все в Шадизаре в диковину. И спрячь свой проницательный взор. Здесь это могут счесть невежливым, а за невежливость в Шадизаре отнюдь не отказывают от дома в любезных выражениях, переданных через лакея.

— Да? — переспросил Олдин.

— Да, — отрезал Конан. — За невежливость здесь могут всадить кинжал в грудь.

— О! — воскликнул Олдин.

Они постояли немного возле жаровни, истекая потом, а затем погрузились в бассейн.

Вода была снизу, выходя из расселины в земле, и приятно щекотала пятки. Олдин блаженно зажмурился. Теперь его лицо мало отличалось от соседних — все они испытывали одно и то же ощущение.

Киммериец, однако, не позволил себе расслабиться. Он внимательно следил за окружающими.

Сперва ничего интересного не происходило. Толстяк с розовым от пара лицом вдруг ожила и решительно выбрался наружу из бассейна. К нему сразу подбежал юркий слуга, очень смуглый и кучерявый, и начал обтирать его полотенцами. Затем в бассейн столь же решительно плюхнулся новый клиент, очень красивый замориец, в смазливом лице которого, однако, угадывалось нечто порочное. Он сразу же жадно уставился на юношу, со скучающим видом плавающего в углу бассейна.

А после терпение Конана было вознаграждено: дервиш начал подниматься из воды. Конан с силой толкнул бритунца под локоть:

— Откройте пошире ваши внимательные глаза да полюбуйтесь!

Олдин поднял веки и вдруг ахнул. Все тело дервиша, ниже шеи и выше живота, и грудь, и бока, и спина, и руки, было разрисовано синими татуировками. Странные узоры густо сплетались между собой, как бы одевая своего носителя в некие одежды.

— Не можете вот так, сходу, распознать — нет ли там каких-то известных вам букв? — спросил Конан, наклоняясь к уху Олдина.

Тот медленно покачал головой, потом сложил губы в трубочку, почмокал, но все же положительного ответа так и не дал.

— Он слишком быстро двигается, — шепотом ответил бритунец своему товарищу. — Знаки все время искажаются. И потом, не могу же я на него бесстыдно пялиться! Одним только богам известно, что обо мне могут подумать все эти почтенные горожане...

Конан весело хмыкнул.

— А эти почтенные горожане уже подумали, — ответил он. И обнял Олдина за плечи. — Мы с вами шепчемся, погрузившись в бассейн, а кроме того, у нас одна простыня на двоих. Не забыли?

Олдин застонал сквозь зубы.

— Мы взяли одну просто потому, что это экономит деньги!

— Стоны — это тоже способствует тому, чтобы о нас составили подходящее мнение. — Конан от души потешался над смущением Олдина.

Однако эта «милая сценка» выполнила свою роль. Окружающие действительно вообразили, будто Конан и Олдинссорятся из-за того, что один из них слишком пристально смотрел на постороннего человека. Так что любопытство их осталось «безнаказанным». Похоже, и сам дервиш мало был обеспокоен этим обстоятельством. Он кивнул Конану как знакомцу и вышел из бани.

— Побудем здесь еще немного, — предложил Конан. — Чтобы не сложилось впечатления, будто мы здесь только ради Заграта.

— Лично я не хотел бы видеть, как Заграт рассматривает свои вещи и обнаруживает, что с

браслета снята грязь, — признался Олдин. — Смешно об этом говорить, но я боюсь разоблачения. Как-то все это... неловко.

— Ну, во всяком случае, Заграт вас не станет наказывать, как это сделали бы родители, — засмеялся Конан. — А что до браслета... Я думаю, наш приятель — смотритель одежды — уже позаботился о том, чтобы грязь вернулась на место. Он мастер подобных фокусов.

— Вы с ним знакомы?

— Нет, но я знаком с множеством ему подобных.

Они выбрались из парилки спустя полчаса после ухода Заграта. Конана клонило в сон, но у него была припасена еще одна шутка для бритунца, и варвар заранее посмеивался в предвкушении.

— Полагаю, — бритунец широко зевал, так, что челюсти сводило, — полагаю, эти узоры — эта татуировка — а-а-а... — а-ах!.. — ну так эта татуировка все-таки имеет то же графическое оформление, что и знаки их письменности... и, следовательно... ах-а-ах!.. — мда, следовательно, Заграт имеет самую прямую связь с...

— Вот и хорошо, — перебил Конан.

Олдин вздохнул, благодарный своему спутнику за то, что он оказался понятливым и избавил бритунца, у которого язык заплетался, от необходимости завершать фразу.

Они снова оказались в первом зале, где смотритель одежд бросил в их сторону торопливый взгляд и сразу же отвернулся. Бритунцу это показалось подозрительным.

— Уж не позволил ли он кому-то осматривать и нашу одежду? — спросил Олдин.

— Если и так, то там в любом случае ничего не пропало, — утешил его Конан.

Он быстро натянул куртку и штаны и стал с любопытством наблюдать за приятелем. Олдин долго облачался в белую рубаху из шелка, затем — в шелковые же шаровары, явно купленные если не в Шадизаре, то поблизости от него, в длинный плащ из козьей шерсти, обтягивает все это поясом... Наконец Олдин подобрал свои восковые дощечки с записями.

Глаза киммерийца блеснули. На мгновение он встретился взглядом со смотрителем.

Одежда Конана и его друга была сложена возле самого входа в парильное отделение, поэтому сюда проникал горячий воздух. И теперь от жара воск расплавился, и все записанное на нем поплыло и смазалось. Олдин обнаружил это, когда раскрыл дощечки.

Бритунец испустил крик ужаса. А Конан с невозмутимым видом взирал на него.

— Мои бесценные наблюдения! — воскликнул Олдин. — Все погибло! Все описания! В том числе и твое, Конан. Твое описание тоже исчезло. Неужели это тебя совершенно не волнует?

— Ну, — сказал киммериец, — может быть, самую малость.

Глава вторая

Преследование в пустыне

Вот уже два дня Конан и Олдин ехали по пустыне. Несмотря на то, что Олдин выглядел человеком изнеженным и вел себя как избалованная девица из богатого дома, склонен был к капризам или совершенно неуместным требованиям, вроде охлажденного и непременно взбитого куриного яйца на завтрак (посреди пустыни), — и общем и целом Олдин оказался гораздо менее докучливым спутником, нежели можно было представить.

И главным его достоинством Конан счел то обстоятельство, что Олдин никогда не

требовал по-настоящему невозможного. Бритунец жаловался на отсутствие излишеств, но ни словом не обмолвился насчет того, что неудобное седло натерло ему внутреннюю сторону бедра, что жажда измучила его (а между тем Конан настаивал на том, чтобы беречь воду, и выдавал питье лишь маленькими порциями), что лошадь, которую они поспешили купили в Шадизаре, оказалась со скверным нравом.

Он взял с собой только свои записи и деньги. Лишнюю одежду и кучу странных предметов, вроде «дорожного» кувшина и шкатулки с «необходимыми в пути» принадлежностями, вроде щеточки для приглаживания волос на ногах, Олдин по требованию Конана продал прямо в Шадизаре.

Олдин пытался спасти хотя бы шкатулку, но киммериец был непреклонен.

— Мы не потащим все это барахло через пустыню, а оставлять его в гостинице на сохранение у хозяина — дело бессмысленное. Этот пройдоха все равно продаст ваши вещички и при встрече сделает вид, будто никогда прежде с вами не встречался. И кто только надоумил вас тащить с собой подобные предметы?

— Я приобрел их в Бритунии в лавке «Все для путешественников», — сказал Олдин с покаянным видом.

Он уже начал понимать, что Конан в своих требованиях совершенно прав, и потому подчинился без жалоб.

Заграт, по мнению приятелей, вел себя все более и более подозрительно.

— Мне никогда прежде не приходило в голову последить за ним, — признался Конан своему спутнику. — Я считал его забавным и придурковатым, как все эти нищие. Немного жуликом, не без того, но и не более того. У меня всегда находились более интересные занятия, чем разглядывать Заграта. Потребовался богатый бездельник с его неуемным любопытством, чтобы я обратил внимание на то, что находилось у меня под носом.

— Между прочим, мои исследования представляют интерес для ученых Бритунии, — наступил Олдин. Ему не понравилось, что Конан назвал его «богатым бездельником». — Я занимаюсь важной работой.

— Ага, — согласился Конан. — Теперь, к примеру, мы тащимся через пустыню, чтобы понаблюдать за поведением татуированного дервиша в естественной для него среде обитания.

— У вас на удивление разнообразная речь, — заметил Олдин.

— Только не вздумайте записывать это на свои таблички, — предупредил Конан. — Иначе в следующий раз они случайно окажутся возле костра и

опять расплавятся.

— Я так и знал, что случившееся в банях было вами подстроено! — надулся Олдин.

... Заграт не стал после бани одеваться в свои лохмотья. Он взял у смотрителя одежду совершенно другое платье — длинную, до полу, тунику с рукавами и белый плащ с капюшоном. Разумеется, смотритель ни словом не обмолвился Конану о том, что подобная одежда существует. Зачем болтать лишнее? Ведь от Заграта он получил неплохие деньги — и за сохранность этого сменного платья, и за молчание.

Преображенного Заграта Конан узнал в толпе не сразу, однако от цепкого взгляда бритунца лже-дервиш не укрылся. Олдин заметил его покупающим длинный кинжал в лавке, возле которой Конан задержался на добрых полчаса.

После этого приятели уже не выпускали Заграта из виду. Им пришлось потратить почти все, что они выручили от продажи «дорожных принадлежностей» Олдина, на покупку двух лошадей. И скоро уже они очутились в пустыне.

Тайно выслеживать человека в пустыне нелегко. Здесь негде спрятаться, обзор широк, и один всадник легко заметит другого на горизонте. Поэтому друзьям приходилось держаться от

Заграт на большом расстоянии. Они тщательно следили за тем, чтобы он не мог их разглядеть.

Конан выискивал в песке следы. По мнению Олдвина, киммериец, несомненно, пользовался какой-то потаенной варварской магией, потому что сам Олдвин ровным счетом ничего в песке не различал.

— Барханы и барханы, — бормотал бритунец, щуря глаза, слезящиеся от слишком яркого света. — Один ничем не отличается от другого.

— Поверьте мне на слово, — сказал ему Конан, — я просто вижу эти следы так же ясно, как если бы они отпечатались на сырой глине.

— У меня нет причин сомневаться, — вздохнул бритунец. — Наверняка это какая-то магия. Переубедить его Конану не удалось.

В первую ночь их потревожили пустынные зверьки, похожие на собак. Их большие острые уши отчетливо вырисовывались на фоне неба, когда на гребне бархана показывалось очередное существо. Конан отпугивал их, бросаясь в их сторону песком, и они с недовольным тявканьем исчезали.

— Они вряд ли способны причинить нам вред, — объяснил киммериец своему спутнику, — даже если соберутся в большую стаю. Они скорее любопытны, чем злобы. Но вот украсть у нас съестные припасы — это запросто. Так что лучше бы нам избавиться от непрошенных гостей.

— Вряд ли получится, — возразил бритунец. — Под уверениям наших мудрецов, представители животного мира отличаются настойчивостью и мало восприимчивы к обидам. Так что нам следует держаться настороже. Предлагаю дежурить по очереди.

— Ну вот еще, — хмыкнул киммериец. — Я просто лягу так, чтобы мешок с припасами находился у меня под рукой. Ни одна животина из тех, кто шастает по ночам, не доберется.

Олдвин хотел было поинтересоваться, не намекает ли его товарищ на какую-либо еще «животину», помимо тех, что возмущенно тявкали в отдалении... Но Конан невозмутимо пожелал ему спокойной ночи и растянулся на песке, положив свою мощную руку на мешок с припасами.

Они проснулись чуть свет. Конан не позволил своему спутнику потратить даже малое время на завтрак. Спустя пару мгновений после пробуждения киммериец уже сидел в седле.

— Сперва мы разыщем его следы и убедимся в том, что за ночь он не ушел слишком далеко, — сказал Конан. — Потом можно будет и перекусить.

Олдвин согласился.

Заграт прошел по пескам гораздо дальше, чем предполагал киммериец. Похоже, дервиш даже не останавливался для того, чтобы поспать.

— Не нравится мне это, — бормотал Конан, рассматривая след, едва различимый на песке. — Существо, которому не требуется отдых, никогда не будет вызывать у меня сочувствия. Обычно так ведут себя люди, связавшиеся с демонами.

— Может быть, у него крепкое здоровье и железная сила воли, — предположил Олдвин.

Конан удостоил его гневным взором.

— Тем более он мне не нравится, — отрезал киммериец.

Часть пути они проделали в молчании, и вдруг Конан резко повернулся коня назад. Олдвин последовал его примеру. Они проскакали какое-то время, а затем Конан остановился.

— Что произошло? — спросил его Олдвин. Бритунец почему-то говорил шепотом.

— Мы едва не столкнулись с ним нос к носу, — ответил Конан. — Проклятье! Возможно, он чует, что за ним кто-то следит, а может быть, мы с вами переоценили его способность ехать день и ночь по пустыне без отдыха. Как бы там ни было, я увидел его на горизонте. А это означает, что и он, если обернется, может нас увидеть. Что было бы весьма нежелательно.

— Очень разумно, — похвалил Олдвин. — Подождем немного, пока расстояние между

нами увеличится, а затем продолжим погоню. Ну а пока мы выжидаем — самое время перекусить.

Они уничтожили пшеничную лепешку, разорвав ее пополам, и выпили по три глотка воды. После этого Конан объявил их сытыми, и погоня продолжилась.

* * *

Вечер второго дня погони они увидели впереди небольшой оазис. Три пальмы как бы с материнской заботой склонялись над источником воды. Имелась там коновязь и навес, чтобы путник мог отдохнуть и спастись от обжигающего солнца.

К несчастью, Конан и Олдвин лишены были возможности насладиться столь желанным отдыхом. И все потому, что к этому оазису прибыл Заграт.

— Когда-нибудь он оттуда уйдет, — Конан попробовал утешить своего спутника. — Не сможет ведь он жить там, верно? Нам нужно просто набраться терпения и подождать.

— Может быть, это мираж? — спросил Олдвин. — Я знаю, что в пустыне такое случается...

— Нет, — остановил его Конан. — И избавьте меня от своей осведомленности, особенно в тех вопросах, в которых вы ничего не смыслите.

Олдвин обиженно промолчал. А Конан как ни в чем не бывало сказал ему:

— Вы оставайтесь здесь. Последите за лошадьми — чтобы не сбежали. Я попробую подобраться поближе. Нужно все-таки выяснить, чем он будет там заниматься. Не нравится мне этот дервиш.

— Мы ведь уже установили, что он вовсе не дервиш, — чуть заносчиво вставил Олдвин.

Конан с легкой насмешкой глянул на него.

— Фокусы показывать он все-таки умеет... Будьте внимательны. Держите ухо востро. И не выпивайте всю воду сразу, растяните удовольствие.

— Вы оставляете мне воду? — поразился Олдвин. Он сразу забыл обиды.

Конан кивнул.

— Я ведь буду возле оазиса, — добавил он. — Так что сумею разжиться питьем.

Он привязал к спине пустой мех, бросив Олдвину наполовину наполненный, и быстро побежал по песку. Олдвин долго смотрел ему вслед. Ему пришло на ум, что он впервые глядит на Конана издалека. До сих пор они все время находились рядом — сперва на площади, потом в банях, а затем — во время преследования, когда их кони шли бок о бок. Теперь Конан явился Олдвину, можно сказать, во всей красе, и бритунец сумел оценить его рост, мощь его широких плеч, легкость его движений.

«Похож на великолепного зверя, — подумал Олдвин. — На умного, хитрого зверя. На зверя, наделенного чувством юмора... Странно, — пришла ему миг спустя другая мысль, — почему любой красивый человек напоминает нам животное? Неужели потому, что собственно людей — таких, чтобы по-настоящему были красивы, — нам почти не встречается?»

* * *

На подходах к оазису Конан уже не шел, а полз по песку, как змея. Он проделывал этот трюк не в первый раз и умел рассчитать скорость своего передвижения. Ему оставалось проползти еще два полета стрелы, когда он заметил еще трех всадников, приближившихся к тому же оазису. К счастью, они ехали с другой стороны и не должны были заметить Олдвина. Иначе бритунец

был бы обречен: Конан попросту не успеет на помочь к своему спутнику, а эти господа, если судить по их внешнему виду, вряд ли потерпят близость шпиона.

Прячась за барханами, Конан двинулся дальше...

* * *

— Рад встрече с тобой, Заграт, — проговорил один из всадников. Это был рослый мужчина с узким смуглым лицом, в черном плаще.

Второй — похожий на первого, только более широкий в кости и с черной бородой, — молча кивнул, как бы присоединяясь к приветствию.

Третий улыбнулся. Этот был молод, и черные одежды только подчеркивали его цветущий возраст.

Заграт вздохнул.

— Жизнь среди людей в Шадизаре утомляет меня, но другого способа нет. Проклятье! Хотел бы я, чтобы это все поскорее закончилось... Есть ли известия от Гуайрэ?

— Тебе приказано беречь свою жизнь, следить за жизнями остальных, распоряжаться жизнями немногих, — прозвучал ответ чернобородого.

На лице Заграта проступила хмурая улыбка.

— Узнаю Гуайрэ.

— Этот приказ не обсуждается, — сурово оборвал его тот, что с длинным лицом.

— Я не дерзаю обсуждать приказы... — Заграт вздохнул. — Чьей жизнью я должен распорядиться на сей раз?

— Выбери сам. Нам нужно два каравана, — отозвался чернобородый.

— В таком случае, следует обратить внимание на купца из Вендии, — Заграт начал перечислять сведения.

Даже чуткий слух Конана улавливал далеко не все, но из того, что удалось узнать варвару, было очевидно: Заграт находился в Шадизаре для того, чтобы отслеживать перемещение различных караванов и выбирать из них наиболее подходящие для грабежа. Такие, где товар побогаче, а караванщик поскучее на охрану.

«Любопытно! — думал Конан. — Неужели это самые обычные грабители, а Заграт — их самый обычный соглядатай? Похоже на то... Нет, — прервал он самого себя, — похоже, да не похоже. Я и сам частенько проделываю похожий трюк. Притворяюсь бедным грубым варварам, неотесанным и неграмотным, а сам... — Киммериец тихонько хмыкнул, припомнив один-два случая. — Заграт слишком хорошо тренирован, чересчур ловко владеет собственным телом, не говоря уж о том, как он ориентируется в пустыне. И кто такой Гуайрэ, чьи приказы не обсуждаются? Главарь шайки разбойников? Изысканная, должно быть, шайка!»

Тем временем Заграт закончил рассказ. Всадники, выслушав его, наполнили мехи водой из источника и разъехались. Заграт еще какое-то время медлил. Конан ждал в засаде, терпеливый, как охотящийся хищник. Черные всадники разошлись в разные стороны. Можно предположить, что Заграт изберет то направление, которым пренебрегли его тайные сообщники. То есть отправится прямехонько туда, где скрывается Олдин.

Поэтому варвар медлил. Если Заграт действительно двинется в ту сторону, где обязательно натолкнется на Олдина, то Конану лучше находиться у него на пути.

Заграт почистил своего коня, напоил его еще раз и наконец вскочил в седло. Конан замер, сжимая пальцы на рукояти меча. К счастью для себя, Заграт поскакал дальше, почти след в след за длиннолицым всадником. Скоро он скрылся за горизонтом.

Только тогда Конан поднялся и побежал по пескам. Он продолжал следить за горизонтом, высматривая возможных врагов. Но никого поблизости не было. Наконец Конан достиг источника и трех пальм. Здесь все еще стоял запах распаленных лошадей. Казалось, даже вода его истощает. Конан встал на колени и сунул голову в воду. Несколько мгновений он оставался так, а затем начал пить. Он отхлебнул пару глотков и посидел под навесом, натянутым между стволами двух пальм. Затем наполнил мех и выпил еще немного воды из горсти. И еще, и еще...

Это было блаженством. Нужно встать, сонно подумал Конан, и привести сюда Олдвина. Пусть бритунец тоже испытает счастье.

Он боролся со сном. Слишком хорошо. Это опасно. Кроме того, вода может оказаться заколдованный. Неизвестно еще, что за люди — владельцы этого оазиса.

Усилием воли Конан заставил себя подняться на ноги и побежать обратно в пустыню, к своему спутнику.

Олдвин вскочил на ноги, завидев его.

— Что нового?

— Выпейте свежей воды, — сказал Конан. — Мы идем к оазису. Нужно отдохнуть. Наш Заграт, оказывается, шпионит для грабителей. Рассказал им о двух богатых караванах, которые скоро пройдут здешними дорогами.

— Какой негодяй! — воскликнул Олдвин. — Полагаю, теперь наш долг — предупредить караванщиков.

— Нет, — остановил его Конан. — Мы не успеем вернуться в Шадизар вовремя. Да и поверят ли нам? Если эти караванщики действительно таковы, как расписывал их Заграт, — то есть скучны, — то никакие уговоры не заставят их нанять дополнительных солдат.

— Так что же делать? — растерялся Олдвин.

— Продолжать наш путь, — ответил Конан. — Если богам будет угодно, то пути наши и тех караванов пересекутся — и тогда пусть поберегутся Заграт и его шайка!

* * *

Они провели в оазисе больше колокола. Конан хотел, чтобы его спутник набрался сил, но куда там! Олдвин все время вздрагивал и озирался в ожидании, не появятся ли разбойники. При этом бритунец уверял своего спутника, что совершенно спокоен, не испытывает ни малейшего страха и готов хоть сейчас отправиться в дальнейший путь.

В конце концов, Конан внял этим призывам.

Киммериец знал направление, а следы сразу двух всадников говорили ему о том, что он не ошибается.

Солнце опустилось за горизонт, и пустыню окутала желанная прохлада, но затем эта прохлада сменилась холодом. Лязгая зубами, Олдвин проговорил:

— Мне кажется, вчера было не так холодно.

— Вчера мы гонялись за пустынными собачками, поэтому согревались, — ответил Конан, у которого тоже зуб на зуб не попадал.

— Нет, собачки были позавчера, — подумав, сообщил Олдвин.

— И правда, — согласился Конан. — Вероятно, дело в том, что здесь часто дует особенный ветер. Говорят, поблизости иногда раскрывается вход в Серые Миры, куда может провалиться даже живой человек.

— Вы такое видели? — жадно спросил Олдвин.

— Не совсем, но видел человека, который, несомненно, заглядывал туда, — был ответ

варвара. — Передохнем немного. Мне кажется, вы здорово утомлены. А я ночью плохо различаю следы на песке.

— Я их и днем-то не различаю, клянусь Белом, — пробормотал Олдин. — А тут такая тьма!

Они прилегли на песок, все еще горячий, и заснули почти мгновенно. Минувший день вымотал их.

Утром их разбудил солнечный свет. Солнце не встало над горизонтом, а как будто стремительно ворвалось на небо: так вбегает в покой к царским детям прислужница и сдергивает с окон шторы, крича: «Скорей вставайте! Царь вышел из своей опочивальни и желает немедленно видеть своих отпрысков!»

Конан сел, поморгал и замер.

Прямо перед ними расстился оазис.

— Нет! — прошептал киммериец. Он встал и, подойдя к своему спутнику, растолкал его.

Олдин спал, разметавшись и похрапывая, но при первом же прикосновении руки варвара вскочил на ноги.

— Что случилось? — завопил он сипло. — Враги? Нападение? Где меч?

— У вас нет меча, — напомнил ему Конан.

Олдин схватился за пояс и нашупал там кинжал. Прикосновение рукояти волшебным образом успокоило его. Он сел на песок и скрестил ноги, подражая Конану.

— Ну так что происходит? — осведомился он.

— Посмотрите, — ответил Конан, указывая на оазис.

— Куда? — спросил Олдин.

— Вот сюда, — Конан махнул рукой в сторону пальм и красиво обложенного камнями колодца. — Видите?

— Вижу, — сказал Олдин.

— Что вы видите? — уточнил Конан. Его немного удивляла холодная реакция Олдина. По мнению варвара, бритунец должен был испустить сдавленный крик, а затем броситься к воде и пальмам и начать выискивать упавшие кокосы.

Но Олдин продолжал сидеть совершенно равнодушно и взирать то на физиономию киммерийца, то на чудесный островок зелени и влаги.

— Что я вижу? — переспросил Олдин. — По-моему, вы считаете меня глупцом! Что ж, я сам виноват. Должен был догадаться, что мои знания и ученье степени, полученные в Бритунии, здесь ровным счетом ничего не значат. Да разве такой варвар, как вы, — не в обиду вам будь сказано, — можете понять, что означает «бакалавр»? А я даже не бакалавр, а доктор наук!

— О, доктор, — буркнул Конан, задетый этими словами.

— Ну вот, видите! «Доктор»! И все здесь, едва лишь слышат про «доктора», сразу начинают рассказывать о своих болезнях! Как будто доктор только лечит!

— А что, это не так?

— Нет! — Бритунец выглядел безутешным. — Доктор еще и много знает. Понятно вам? И не только о болезнях. Итак, возвращаюсь к изначальной мысли... Я был готов ко всеобщим насмешкам. В конце концов, даже в ученой среде это принято. Но вы, Конан, переплюнули всех. Показываете мне голый песок и вопрошаете: «Что это такое?» Ну так я вам отвечу. Это — голый песок! Вот что это такое!

Последние слова он буквально выплюнул Конану в лицо.

Киммериец побледнел.

— Вы хотите сказать, что видите такую же пустыню, как здесь или там? — Он махнул рукой, указывая по разным направлениям.

— Именно. А вы разве видите что-то иное? — вскинулся бритунец. — Только не надо меня разыгрывать и говорить, будто...

— Я вас не разыгрую, — отозвался Конан. — Просто я... — Он опустил голову. — Я вижу все не пустыню. Прямо передо мной — оазис с колодцем и пальмами...

— Какими? — осведомился бритунец.

— Что? — не понял Конан.

— Какие там пальмы? — уточнил Олдин.

— Кокосовые... А это имеет значение?

— Не знаю. Не знаю! — ученый раздраженно забарабанил пальцами себя по колену. — Понятия не имею! Пальмы как пальмы, да? Только кокосовые? Характерно ли это для миражей?

— Вопрос в другом, — сказал Конан, — мираж ли это.

— Разумеется, мираж! — объявил бритунец. — Будь иначе, мы оба видели бы одно и то же.

— Миражи — это не галлюцинации, миражи являются сразу обоим, — ответил Конан.

— Стало быть, у вас галлюцинация.

Конан покачал головой.

— У меня не бывает галлюцинаций...

— Голубчик, они у всех бывают, — примирительным тоном заметил Олдин. Он был заметно счастлив оттого, что оказался «нормальнее», чем Конан-варвар.

Конан помолчал немного, а после решительно встряхнулся и встал.

— Не нравится мне эта штука.

— Думаете, дело не в вас? — спросил Олдин.

— Думаю, дело в этих песках, — был ответ киммерийца.

Он взял камень и бросил его. Песок как будто расступился перед тяжестью, а затем с глухим всхлипом сомкнулся над ним.

— Зыбучий песок, — прошептал Конан. — Как хорошо, что ночью мы решили передохнуть. Сделали бы в темноте пару шагов вперед — и глядишь, эти пески сошли бы над нашими головами.

Олдин сказал:

— Что-то мне, это самое, нехорошо... Я полежу немного.

И он улегся, заложив руки под голову. Некоторое время они оба молчали. Потом Олдин прервал безмолвие:

— Интересно, а почему видение вам явилось, а меня проигнорировало?

— Потому что я варвар, — был ответ. — У меня дикарское чутье на ловушки.

— А, ну конечно, — пробормотал ученый бритунец. — Хотя ведь бывает же чутье на какие-нибудь важные научные факты, правда? У нас в Академии был один академик, он хорошо разбирался в свойствах жидких веществ...

— Да, — сказал Конан невпопад. Он думал о том, как им преодолеть эту новую преграду. И еще о том, как по зыбучим пескам прошли оба ехавших

впереди всадника.

— Это ведь не повторение того оазиса, который мы с вами видели вчера? — спросил, подумав еще немного, Олдин. — Да?

— Да, это какой-то другой оазис... Возможно, в былые времена здесь действительно имелись и пальмы, и колодец, но с годами подземные воды растеклись, утратили прежнее русло, колодец обвалился, и пески сделались зыбучими... Такое случается.

— Удивительно, — заметил бритунец.

— Что именно кажется вам достойным удивления? — Конан поднял брови.

— Что такое случилось.

— А как, по-вашему, образуются зыбучие пески?

— Ну, они постоянно находятся под землей, а потом выходят наружу, — сказал Олдин нерешительно. — А как?

— Не знаю, — сказал Конан. — В любом случае, когда-то здесь был оазис. А теперь он превратился в смертельную западню для любого, кто ступит на этот песок. Вот и все.

Олдин глянул на обманчиво спокойные бархаты и вдруг прищурился. Ему показалось, что он различает что-то белое. И точно, там белела какая-то круглая вещь.

— Человеческий череп, — сказал киммериец спокойно. — Вот видите, я был прав.

Внезапно песок как будто вскипел. Нечто огромное начало расти из-под земли, взбухая, как некий таинственный пузырь земли, что зарождается в ее недрах. Струи песка обильно посыпались вниз. Все вокруг пришло в движение, барханы сдвинулись и потекли...

— Что это? — в ужасе спросил Олдин.

Конан уже схватился за меч.

— Держите лошадей! — распорядился он быстро. — Понятия не имею, что за пакость сейчас выберется на поверхность, но лошадей она перепугает — это точно. Попробуйте их не упустить.

— Как? — отчаянно закричал Олдин.

— Держите крепче и отойдите с ними подальше!

— А как же вы?

— Пошел вон! — заорал Конан и с мечом в руках прыгнул навстречу монстру. Киммериец отчетливо видел границу между твердой почвой и зыбучими песками над бездонной пропастью. Он балансировал на самом краю.

Казалось, чудовище, ворочающееся под землей, у самого верхнего слоя песчаного покрова, также боялось покидать свою территорию. Наконец из песка вынырнула его голова.

Если судить по одной только этой голове, под землей осталось гигантское туловище. Потому что голова была в десять раза больше человеческой. Пять глаз красовались на сморщенном лбу, носа не было вовсе, а пасть раскрывалась так широко, что туда могла бы войти невысокая женщина, не пригибаясь.

Глазки монстра быстро моргали, привыкая к солнечному свету. Щупальца — или лапы? — ворочались под землей, сдвигая целые горы песка.

Конан выжидал, пока монстр нападет на него. Пока что киммериец просто стоял на краю бездны и держал меч наготове.

Внезапно цепкая лапа с шестью когтистыми пальцами выскочила на поверхность прямо у ноги Конана. Она попыталась ухватить его за лодыжку и утащить в пропасть. Конан оказался быстрее. Он стремительно отпрыгнул назад и, прежде чем чудовище втянуло щупальце обратно, вонзил в него острие меча. Монстр раскрыл пасть и зашипел так громко, что у киммерийца заложило уши.

Конан выдернул меч. Лапа убралась.

— Ну, иди ко мне! — издевательски закричал Конан. — Иди ко мне, и ты узнаешь, что такое — нападать на Конана из Киммерии!

— Тебя так зовут? — прошелестел голос чудовища.

Песок вдруг начал быстро окрашиваться кровью.

Очевидно, кровь вытекала из раны, оставленной мечом Конана в лапе монстра. Раненое чудище подтаскивало лапу ближе к груди.

— Да, меня зовут Конан из Киммерии, — отозвался варвар. — Но ты...

— Я умею разговаривать.

— Тем хуже для тебя! — воскликнул Конан. — Я с одинаковой легкостью убиваю демонов

тупых и неразумных и демонов, наделенных подобием рассудка!

— Я не демон...

— Кто же ты? — Конан отошел еще подальше. — Ты ведь пытался убить меня.

— Ты тоже не демон и тоже пытался убить меня, — резонно возразил монстр.

— Нет, это уж слишком! — рассердился киммериец. — Я человек. Я шел здесь, этими песками, когда ты на меня напал.

— Согласен, я напал на тебя первым, — уступил монстр. — Но это еще не означает, что я демон.

— Кром! Кажется, ты и впрямь не демон, если изъясняешься на манер базарного философа, который за медную монетку согласен обучить тебя всей мудрости мира.

— Интересный способ существовать, — задумался монстр и снова быстро заморгал глазами. — Меня зовут Эан.

— Очень красивое имя, — сказал Конан. — Я знал одного Эана, пирата. Хотел меня повесить, представляешь?

— Видимо, это ему не удалось, — заметил монстр.

— Да, ему не повезло... И тебе тоже не повезет, — предупредил Конан.

— Меня зовут Эан, — сказал монстр. — Я жил здесь. Я жил в колодце. Там была вода. Там царил порядок. Потом случилось землетрясение. Не знаю, кто вызвал злую магию, но земля тряслась, как в лихорадке, тряслась и содрогалась, и камни сыпались, а лошадей подбрасывало в воздух, и некоторые сломали себе спины или ноги... И люди тоже падали. Все падало. Были здесь пальмы, но они тоже упали и сгнили.

— Вода ушла, — сказал Конан. — Да?

— Вода растеклась из колодца повсюду, и эти пески стали голодными, — объяснил Эан.

— Ты должен показать нам, как пройти на ту сторону, — перебил его излияния Конан.

— Почему? — спросил Эан, щуря три глаза и широко раскрывая два остальных.

— Потому что в таком случае я тебя не убью, — растолковал ему Конан.

Эан удивился еще больше:

— Но почему ты должен меня убить?

— А почему я должен тебя не убивать?

Они помолчали. Потом Эан сказал:

— По-моему, разговор зашел в тупик.

— Вовсе нет, — ответил Конан, — на самом деле я предлагаю тебе заключить со мной маленькую сделку. Ты помогаешь мне выбраться отсюда, а я оставляю любые попытки уничтожить тебя. А я могу это сделать, поверь!

— Да, — подумав, признал Эан. — Я более уязвим, чем кажется. Люди пугаются меня и потому мне удается их обманывать. Но ты меня не боишься.

— Хорошо, что ты понимаешь происходящее так же ясно, как я, — похвалил Конан. — Это упрощает задачу. Покажи нам переправу, хорошо?

— «Нам»? — Эан заухал, засмеялся. Песок вокруг него затрясся. — До сих пор речь шла только о тебе.

— Не притворяйся, ты ведь хорошо видел, что нас двое, и оба на лошадях.

— О нет, — проговорило чудовище, продолжая посмеиваться, — ты теперь один. Впрочем, ты еще успеешь спастись, если поторопишься. Отойди на десять шагов назад и двигайся вон в том направлении, пока не увидишь череп. Ты его сразу заметишь, это череп лошади, он крупный. Тогда...

— Почему это я теперь один?

Конан резко обернулся... и застыл.

Прямо из-под песка один за другим высакивали всадники на черных лошадях. Их было уже больше десятка. Они выходили из земных глубин, и песок стекал по их тяжелым черным плащам, по бородам, по длинным черным волосам, схваченным на лбу белой лентой. Даже ресницы их, казалось, были наполнены песком, и тьма смотрела из их расширенных зрачков.

На миг Конану показалось, что земля порождает их прямо у него на глазах. Они словно дремали столетия, укрытые в воздушных пузырях внутри пустыни, и теперь, призванные кем-то неведомым, внезапно явились на свет.

Но Эан развеял подозрения киммерийца и вернул его к действительности.

— Это воины Гуайрэ, — вскрикнул он. — Я служу им! Я должен им покоряться!

— Почему? — быстро спросил Конан.

— Они мои господа, я служу им и Гуайрэ, — был ответ. — Они знают, как причинить мне вред, я боюсь их! Беги, беги, пока не поздно!

Еще один черный воин приблизился, и Конан увидел наконец своего спутника бритунца. Руки Олдвина были связаны; всадник тащил за собой пленника на веревке. Бритунец бежал за его конем, спотыкаясь и громко возмущаясь на бегу. Кажется, он требовал справедливого рассмотрения дела и заседания суда по всем правилам!

Конан покрепче сжал рукоять меча и набросился без предупреждения на первого из всадников. Он метил в коня, но не успел даже сделать первого выпада. Сверху на киммерийца упала сеть. И хотя он попытался сразу же разрубить ее, всадники не позволили ему освободиться. Похоже, им не в первой было захватывать вооруженного человека таким способом. Быстро, умело они опутали киммерийца с головы до ног. Затем, связанного и беспомощного, привязали к седлу одной из лошадей, скрутив ему руки и ноги таким образом, чтобы он не мог даже пошевелиться.

Краем глаза Конан видел, как отряд ступил на зыбучие пески. Под ногами черных лошадей образовалось нечто вроде дороги — уплотнение песка. Очевидно, так работала магия Эана — слабая и недолговременная магия. Едва лишь отряд миновал опасное место, как песок снова превратился в смертельную ловушку для всякого невнимательного путешественника.

Глава третья

Гуайрэ

Киммериец приблизительно представлял себе, где они находятся. Окруженная с севера горами, Карпашскими и Кезанкайскими, с юга Замора была ограждена песками пустыни. И вот в этой-то пустыне имелось затерянное «мертвое место», крохотный участок, где никогда не ступала нога непосвященного в тайну человека.

Очевидно, эти земли представляли собой центральную часть древнего оазиса, окраины которого превратились в кольцо зыбучего песка. Поэтому-то ни один путешественник и не находил сюда дороги.

Пленников привезли в цветущий сад и оставили под деревьями. Конана, не освобождая от сети, бросили на землю, а Олдвина прикрепили к дереву. Затем всадники спешились, и слуги увезли лошадей.

На некоторое время оба пленника были оставлены в одиночестве. Тогда Олдвин решился заговорить.

— Конан, — позвал он своего спутника. — Вы живы, друг мой?

— Да, — сипло отозвался киммериец. — Вы что-нибудь видите?

Олдин завертел головой, честно стараясь рассмотреть пейзаж получше, и заговорил опять:

— Кое-что весьма интересное. Здесь повсюду цветущий сад. Даже не верится, что мы по-прежнему находимся в пустыне! Такие прекрасные цветы! Неужели люди, сумевшие их вырастить, причинят нам зло?

— Почему бы и нет? — киммериец язвительно хмыкнул. — Одно другому не мешает.

— Возможно, эти цветы вырастили одни люди, а зло собираются нам причинить совсем другие, — рассудил бритунский ученый. Ему хотелось найти разумное объяснение всему. — Положим, садовник — превосходный человек и никому не способен доставить неприятностей. Но его господин — напротив, человек весьма жестокий и...

— Ясно, — оборвал его Конан. — Когда-нибудь в бритунской Академии плоды ваших сегодняшних раздумий будут иметь оглушительный успех. Но передо мной можно не стараться. У меня нет страсти к абстракциям.

— Для варвара, каким вы упорно прикидываетесь, вы обладаете поразительным словарным запасом! — пылко вскричал бритунец и вдруг расплакался. — Прошу меня простить, это временная слабость... Я вспомнил наши разговоры на отвлеченные темы... Сколько наслаждения они мне доставляли! Увы, все погибло, и мои записи, и восковые таблички, и я сам!..

— Вы еще не погибли, — буркнул Конан. — Что еще вы видите?

— Чуть поодаль блестит вода, — борясь с «минутной слабостью», ответил бритунец. — Кажется, там пруд или что-то в таком роде. Словом, нечто водное. Возможно, озерцо.

— Какая разница?

— Разница та, что озерцо имеет природное происхождение, а пруд — искусственное, — ответил бритунец. — Вопрос о происхождении не так уж «абстрактен», как это может показаться непросвещеному уму...

— Хватит! — рявкнул Конан. — Дальше!

— Что дальше? А... — спохватился бритунец. — Конечно, мои наблюдения! За прудом опять кусты и... Боги! Немыслимо! Дворец!

— С дворца и нужно было начинать, осел! — зашипел Конан. — Какой дворец, велик ли, богат ли?

— Но я только что его заметил, — оправдываясь, сказал Олдин. — Я производил осмотр последовательно, шаг за шагом, чтобы ничего не пропустить. И начал описание местности с того, что находилось поблизости... Итак, дворец. — Он откашлялся, как бы в знак того, что вполне осознает важность темы. — Он невелик, роскошно украшен резьбой. Довольно

странные узоры...

— Похожи на татуировку Заграта? — перебил Конан.

В каком смысле? — Бритунец хотел было пожать плечами, но поскольку черные всадники надежно прикрутили его к дереву, жест вышел жалким и неубедительным. — Барельефы и круглая скульптура мало сопоставимы с татуировкой, которая представляет собой плоский вид искусства...

— Узоры, — зарычал Конан.

Олдин прищурился, чтобы лучше рассмотреть дворец, чьи стены и крыша виднелись над купами цветущих кустов. Наконец он сказал неуверенно:

— Возможно, имеется сходство. В спиралевидных конструкциях...

— Ясно, — оборвал его Конан. — что еще? Стража?

— Отсюда не видно. Аи!

Последний вскрик Олдина дал понять киммерийцу, что поблизости появились стражники.

Один из черных подошел к Олдвину и принял разматывать веревку, причиняя бритунцу некоторые неудобства, поскольку путы крепко врезались тому в тело, и руки у него затекли.

Второй черный воин наклонился над Конаном. Киммериец увидел сквозь сеть его лицо, тонкое, очень смуглые, со странными светло-голубыми глазами. В длинных черных волосах все еще оставался песок.

— Я выну тебя из сети, — сказал воин, обращаясь к киммерийцу, — веди себя тихо. Если ты будешь сопротивляться, тебя убьют.

— Вряд ли, — сквозь зубы процедил Конан. — Я для чего-то нужен. Иначе меня убили бы еще в пустыне.

— Если ты будешь сопротивляться, тебя убьют, — бесстрастно повторил воин.

Он бережно распутал сеть и помог варвару подняться на ноги. Конан выпрямился во весь рост. Как ни высок был киммериец, он лишь немногого превосходил воина в черном, а в плечах был шире раза в два. И тем не менее черный воин пустыни не выглядел существом хрупким или беззащитным. Напротив, он был опасен — очень опасен, подобно ядовитой змее. И Конан понял это сразу.

— Куда нас отведут? — спросил он своего тюремщика.

— Во дворец, — ответил тот. — Заграт хочет, что бы вы были живы.

— Заграт, — пробормотал киммериец, — почему-то именно так я и подумал. Он какое-то важное лицо в вашем государстве?

— Не задавай вопросов, — сурово ответил воин. — Ты узнаешь в свой черед обо всем, что тебе нужно знать.

Конан быстро огляделся по сторонам, оценивая обстановку. Как и сказал Олдвин, они находились в цветущем саду. Помимо дворца, здесь имелось еще несколько строений: очевидно, конюшни, казармы, склады... Бежать из оазиса будет довольно сложно из-за зыбучих песков. Сложно — но не невозможно: ведь с Эаном, хранителем трясины, у Конана, вроде бы, установились добрые отношения.

Вроде бы. Разумеется, безоглядно полагаться на возможную помощь от монстра не приходится...

Тюремщики остановились перед дворцом. У Конана появилась возможность осмотреть сам дворец: небольшое изящное здание с искусственной резьбой по фасаду. Скульптуры украшали каждую пядь стены. Здесь были сплетающиеся змеи с кистями человеческих рук вместо головы, странные существа, отдаленно напоминающие Эана, женщины с вытаращенными глазами, сходными по форме с грудями, бородатые мужские лица, окруженные перьями...

— Идем, — обратился к пленникам один из стражей. Их потащили дальше.

Тяжелая дверь затворилась за ними, как бы навсегда отлучая их от солнечного света. Конан быстро начал различать в полумраке ступени, теряющиеся в глубине огромного зала. Ступени уводили вниз, под землю, и туда подтолкнули пленников.

Поначалу Конан полагал, будто их собираются разместить в сыром и тесном подземелье. Киммериец не раз уже бывал в подобных тюрьмах.

Многие владыки Хайборийского мира оборудовали подобным образом свои дворцы и замки: пока в верхних, роскошно украшенных и полных света залах шли пищевые, заседали государственные советы, плелись интриги и велась по всем правилам осада дамских прелестей, глубоко под землей, в подземельях, умирали от истощения и ран несчастные узники.

«Что ж, — угрюмо подумал Конан, — если эти пустынные разбойники решили чем-то поразить меня, то их ждет большое разочарование! Побывал я во многих узилищах и отовсюду сумел вырваться; убегу и из этого!»

Но ничего из ожидаемого взору киммерийца не предстало. Их с Олдвином спустили на

несколько лестничных пролетов под землю, и перед удивленными пленниками раскрылся огромный, ярко освещенный лампами зал.

Стены его были облицованы резными деревянными панелями, отчасти раскрашенными, а отчасти позолоченными.

— Сюда. — Страж провел их по залу и водворил в большой комнате. — Здесь вы будете жить.

С этими словами он вышел и тщательно закрыл тяжелую дубовую дверь.

От удивления бритунец до сих пор не проронил ни слова. Он был потрясен тем, что ему открылось, и теперь наконец слова хлынули из его уст.

— Где мы, Конан? Вы что-нибудь понимаете во всем этом, друг мой?

— Не больше вашего, — буркнул киммериец. В отличие от своего приятеля он не был настроен на обильные беседы. Ему хотелось поразмысльить над случившимся и еще раз перебрать в уме все полученные впечатления.

— Этот дворец только кажется таким маленьким! — восхищенно вскрикивал Олдвин, бегая по комнате. — Вы оценили громаду его подземной части? Она простирается, думаю, на много полетов стрелы во все стороны!

— На тысячу бросков копья, — буркнул Конан. Он прикидывал, как бы заставить Олдвина замолчать.

Но это оказалось бесполезно.

— Боги! Да за удовольствие увидеть такую диковину я согласен даже заплатить этими некрасивыми рубцами на моей коже! Вы видели, как они меня связали? Никакого уважения к человеку! Они совершенно изуродовали мне запястья.

— В вашей Академии эти полосы послужат признаком подлинности ваших рассказней обо всем увиденном, — сказал Конан рассеянно. Он продолжал думать о другом.

Бритунец восторженно глянул на него.

— О таком аспекте проблемы я даже не подумал. Благодарю вас! Я же говорил, что у вас чрезвычайно аналитический ум.

— Интересно, кто живет в этом дворце? — проговорил Конан. — Вероятно, правитель... Надо бы нам побольше о нем узнать. Кажется, его зовут Гуайрэ...

— Ее, — прозвучал чей-то голос.

Конан вскочил. Он не слышал, чтобы дверь отворялась, и все же в комнате внезапно появился Заграт.

— Шадизарский дервиш! — воскликнул Олдвин.

— Да, — преспокойно отозвался Заграт. — Это я. Кажется, вы позволили себе следить за мной? Возможно, это было вашей ошибкой. А возможно, и нет.

— Как ты вошел? — сквозь зубы спросил его Конан.

— Глупый варвар! — с презрением сказал Заграт. — Ты видел, как я забивал гвозди в свое тело, ты видел, как я ем стекло, — и все-таки ты недоумеваешь, когда видишь, как я прохожу сквозь стены?

— Магия, — произнес Конан, в отвращении качая головой. — Я должен был догадаться.

— Я же говорил, что ты глуп. — Заграт пожал плечами. — Как бы там ни было, а я весьма доволен, что вы оказались у меня в руках. Я найду вам применение. Найду, не сомневайтесь.

— Кто такой Гуайрэ? — повторил свой вопрос Конан.

— Я уже поправил тебя: Гуайрэ — не мужчина, а женщина. Это наша повелительница, королева. И скоро вы с нею увидитесь. Но прежде, чем это произойдет, я хочу, чтобы вы кое-что узнали...

Заграт преспокойно уселся на полу комнаты, хотя здесь имелись табуреты и два просторных

мягких ложа.

Конан устроился на табурете, покрытом шелковой мягкой подушкой. Его лицо находилось выше уровня головы Заграта, однако дервиша это обстоятельство не смущило: он попросту взмыл в воздух и завис так, чтобы его глаза находились чуть выше уровня глаз киммерийца.

— Так удобно? — осведомился Заграт, наслаждаясь удивлением, которое появилось на лице Олдвина. Конан, однако, сохранял полную невозмутимость. — Отлично! Теперь я кое-что вам сообщу. Наша королева Гуайрэ выглядит как юная девушка, но вас не должна вводить в заблуждение ее прелестная внешность. Она — древнее существо. Ей больше тысячи зим. Она прожила на свете гораздо дольше, чем иные из нас, хотя наши воины в черных плащах все миновали столетний рубеж.

— А сколько зим тебе? — поинтересовался Конан.

— Триста сорок, — был ответ Заграта. — Впрочем, вы оба вправе мне не верить, сейчас это не имеет большого значения. Гуайрэ золотоволоса и голубоглаза. Ее наивное лицо любого может сбить с толку. Так и хочется пасть к ее ногам и вымолить у нее дозволения защищать ее... Что ж, можете пойти на поводу у первого впечатления. Она любит благородство в мужчинах.

— К чему ты клонишь? — спросил Конан настороженно.

— Гуайрэ вполне довольна своим существованием, — прямо произнес шадизарский дервиш. — Она счастлива здесь, в сердце пустыни, в своем крохотном королевстве. Ей нравится повелевать сотней воинов, гулять по саду, купаться в роскоши, устраивать балы, на которых она не имеет ни одной соперницы...

— Что же в этом дурного? — вмешался Олдвин. — По-моему, вполне достойный образ жизни.

— Это длится тысячелетиями, — напомнил Заграт.

— Ну и что? — Олдвин нашел в себе силы иронически усмехнуться. — Я знаю многих людей, способных бездельничать тысячелетия. Они не делают этого лишь потому, что лишены возможности оставаться молодыми на протяжении тысячи зим.

— Стало быть, мы говорим о предположениях, — возразил Заграт. — А в случае королевы я говорю о том, что есть на самом деле. О свершившемся. Она обитает в сердце пустыни, куда нет входа никому чужому, и никогда не выходит во внешний мир. Она не спрашивает, откуда берутся сокровища, которыми мы осыпаем ее.

— Вы грабите караваны, — сказал Конан.

Заграт поднял бровь.

— Кажется, тебе известно больше, чем я предполагал!

— Я подслушал твой разговор с черными всадниками, — объяснил Конан. — Ничего особенного. Вы не были слишком осторожны.

— Да, это верно, — сквозь зубы признал Заграт. — Впрочем, я не видел особой нужды проявлять осторожность. И, как видишь, не ошибся. Ты у меня в плену, а караваны...

— Ограблены, — заключил Конан. — Но скоро вашему разбою придет конец.

Олдвин прижал руки к сердцу.

— Ты не представляешь себе, Конан, как бы мне хотелось, чтобы твои слова сбылись! Я не больше твоего люблю грабить караваны.

Последняя фраза прозвучала двусмысленно — если предположить, что Затрату кое-что было известно о карьере киммерийца в некоторых странах...

Но Олдвин не уловил иронии.

— Следовательно, тебя принуждают заниматься ненавистным ремеслом? — поинтересовался он.

Дервиш даже не повернул головы в его сторону.

— Меня трудно к чему-либо принудить... Я хочу, чтобы вы оба были на моей стороне, когда придет время. Гуайрэ хочет, чтобы все оставалось как есть. Но я и мои сторонники — их пока не слишком много — мечтают о большем. Мы хотим выйти за пределы нашего ограниченного мирка и показать всей Заморе, а может быть, и всей Хайбории нашу силу!

Дервиш засмеялся и вдруг начал таять. Спустя миг в воздухе не осталось и следа от фигуры, которая только что зависала перед пленниками. Лишь легкое золотое свечение напоминало о том, что видение все-таки было. А затем рассеялось и оно.

* * *

Конану не впервые было очутиться взаперти. Зато для Олдвина это оказался первый опыт подобного рода. Всегда деятельный и любопытный бритунец впал в уныние и некоторое время страдал молча. Его кислая физиономия выводила киммерийца из себя, поэтому Конан улегся на постель, заложил руки за голову и уставился в потолок.

Он не сомневался в том, что выберется отсюда. Следовало только еще раз перебрать в уме все обстоятельства и понять, какие шаги надлежит предпринять.

Олдвин наконец понял, что Конан не желает поддерживать беседу на тему «Все очень плохо, а будет еще хуже», и обидчиво произнес:

— Между прочим, в Академии со мной считались.

— Угу, — был невнятный ответ варвара.

— И если я развивал какую-нибудь идею, ее, во всяком случае, считали достойной обсуждения.

— Понятно, — пробубнил Конан.

— А вам, вероятно, совершенно неинтересны научные проблемы, которые...

— Послушайте, — перебил Конан, — ваши сетования на судьбу вряд ли могут считаться интересной научной проблемой, не так ли? Вы мешаете мне думать.

— В жизни не поверю, будто человек с подобной мускулатурой способен предаваться мыслительному процессу.

— Вера — дело сугубо личное и индивидуальное, — сказал Конан. — Вам угодно верить, что в Стигии каждая вторая женщина обладает змеиным хвостом, — я ведь не посягаю на это священное верование.

Обвинение было нелепым: Олдвин никогда не разговаривал с Конаном о стигийских женщинах и уж тем более не выдвигал подобных теорий. Поэтому бритунец замолчал — с разинутым ртом, задыхающийся от возмущения и бессильного гнева. А Конан преспокойно погрузился в прежнюю свою молчаливую задумчивость.

Когда Олдвин пришел в себя настолько, чтобы что-то сказать, в комнату к пленникам вошел молодой воин. По счастью, он не просочился сквозь стену, как это делал дервиш, а просто открыл дверь и предстал перед обоими. Олдвин, кажется, не вынес бы еще одного волшебного явления.

Конан сел на кровати и с интересом взирался на вошедшего. Этот воин отличался от прочих: он был высок и строен, но совсем не массивен, и плечи у него были узкие. Он производил, скорее, впечатление хрупкости, нежели физической мощи.

Но главное, что сразу бросалось в глаза, были его волосы: светлые, как солнечный лучик, длинные, заплетенные у висков в косицы. Казалось, этот молодой воин принадлежал совершенно к другому племени, нежели его грубые и свирепые собратья в черных плащах, что повстречались Конану в пустыне.

— Моя госпожа Гуайрэ приказала привести к ней одного из вас, — сказал воин, переводя взгляд с Олдвина на Конана.

— Она не уточнила — кого именно? — осведомился Олдвин, всем своим видом показывая, что он готов отвечать за каждое свое слово.

— Нет, — ответил воин с легким поклоном. Его глаза при этом, однако, насмешливо блеснули. — Она сказала, что ей безразлично, кто это будет.

— Что ж, полагаю, ее величество не разочаруется, если умный, образованный человек... — начал было Олдвин, бледнея.

Конана забавляла его храбрость — и одновременно с тем киммериец не мог не восхищаться силой воли своего спутника: погибая от страха перед неведомой тысячелетней королевой, бритунец все же вызвался на встречу с ней. Чего добивался Олдвин? Хотел возвратить к ее рассудку и уговорить выпустить пленников? Или в бритунце заговорило тщеславие? Ну конечно, встреча с коронованной особой! С владычицей крохотного заколдованных королевства!..

А может быть, Олдвин попросту пытался доказать свою храбрость Конану?

В любом случае, допускать это «самопожертвование» со стороны своего любопытного, тщеславного и трусоватого спутника Конан не собирался. И потому преспокойно перебил Олдвина:

— Я отправлюсь в апартаменты ее величества, чтобы выразить ей наше почтение. Изволь проводить меня.

Он вскочил на ноги и насмешливо глянул на Олдвина. Да, Конан не ошибся: на лице бритунца тотчас отразилось огромное облегчение, и Олдвин тайком перевел дух. А затем улыбнулся, чуть самодовольно.

Конан преспокойно вышел из комнаты. Дверь захлопнулась, и Олдвин остался один.

Киммериец повернулся к молодому золотоволосому воину:

— Веди меня.

Воин молча двинулся вперед, сделав Конану знак следовать за ним. Киммериец бесшумно заскользил по гладким отполированным полам. От цепкого взгляда опытного вора не ускользала ни одна деталь богатейшего убранства подземного дворца. Все здесь поражало роскошью и радовало глаз: облицованные полированым камнем стены, резные украшения, позолота и зеркала, мозаики, сложенные из разных пород дерева.

Конан не сомневался в том, что все это великолепие имело весьма неприглядное происхождение. Заграт ясно дал понять, что по распоряжению королевы ее черные воины столетиями грабили караваны. Впрочем, киммерийца трудно было озадачить такой вещью, как украденная вещь — сам он не раз промышлял подобными делами.

Его внимание привлекла статуя танцующей богини или демоницы — он не брался определить. Существо с четырьмя руками застыло в изящной танцевальной позе. Вырезанная из черного дерева фигурка была так гладко отполирована, что свет скользил по ее поверхности, как бы лаская чудесную кожу женщины. Ее лицо с правильными чертами выглядело отрешенным. Десятки глаз, сделанных из разных драгоценных камней, были рассыпаны по всему ее телу. Сапфировые, изумрудные, рубиновые, аквамариновые, топазовые глаза смотрели на проходящих мимо людей — смотрели с раскрытых ладоней богини, с ее лба, из ямки под горлом, с грудей, живота, с ее бедер и колен, с вывернутых в танце ступней, с отставленных в сторону локтей. И куда бы ни встал изумленный зритель, самоцветные глаза повсюду следовали за ним пытливым, в самую душу проникающим взором.

Конан невольно задержался возле этой статуи, но золотоволосый воин поторопил его:

— Не следует заставлять королеву ждать. Гуайрэ становится гневной, когда ее сердят.

Он так и выразился — «становится гневной». Как будто говорил о богине, которая может

менять ипостаси и из милостивой и прекрасной превращаться в яростную и суровую. Возможно, подумал Конан, именно так оно и есть. Особенно если принять во внимание древний возраст Гуайрэ и ее явно нечеловеческую природу.

Киммериец был заинтригован. За то короткое время, что он провел в затерянном среди песков дворце, он успел услышать о Гуайрэ достаточно противоречивых и удивительных вещей. Однако Конан привык доверять только собственному впечатлению, и теперь ему не терпелось встретиться с пустынной королевой.

Золотоволосый воин остановился перед низенькой дверцей, сделанной из огромного цельного куска полупрозрачного камня. Камень этот был отполирован и украшен резьбой — все тот же странный узор со змеями, глазами, сплетающимися руками, как распознал Конан.

Внутри, в покоях, расположенных за этой дверью, горел мягкий золотистый свет. Отблески его переливались в камне, наполняя хрусталь сокровенной таинственной жизнью.

— Сюда, — показал воин.

Он опустился на колени перед дверью и коснулся лбом порога. Затем, не вставая с колен, протянул руку и толкнул дверь. Она медленно, беззвучно распахнулась, и перед киммерийцем предстала огромная комната. Ее противоположная стена терялась где-то в бесконечности, — сколько Конан ни всматривался, он не мог ее увидеть. Прямо перед порогом стояла крохотная свеча. Ее огонек беспомощно трепетал на сквозняке. Трудно было поверить в то, что именно этот огонек наполнял жизнью массивный кристалл.

— Входи, — прошептал воин, глядя на Конана снизу вверх. — Госпожа ждет тебя.

Конан перешагнул через лежащего ниц воина и, пригнув голову перед низкой притолокой, вошел в таинственную комнату. Дверь беззвучно затворилась за его спиной.

* * *

Олдин расхаживал по своей тюрьме взад-вперед, и досада росла в нем с каждым мгновением. Почему он позволил Конану выскочить вперед и занять его место на встрече с ее величеством? Разве неотесанный варвар сумеет правильно провести переговоры? Что вообще может такой необразованный субъект знать о тонкостях дипломатии? Конан непременно провалит все дело! Королева будет достаточно разок взглянуть на его физиономию — и все, пленники никогда больше не выйдут на свободу. Ее величество — если она действительно прожила на свете так долго, как утверждает этот негодяй Заграт, — несомненно, разбирается в людях. Она сразу поймет, что таким, как Конан, место в тюрьме. И это будет только справедливо — хотя и очень печально.

Можно, конечно, настоять на собственной встрече с ее величеством. Попытаться переубедить ее. Но — поздно, поздно! Королева уже увидела Конана. Она, несомненно, решит, что Олдин — сообщник злоказненного киммерийца. Нет, не видать им больше свободы...

Олдин успел забыть о своем страхе перед этой встречей. Теперь главенствующим чувством в его душе стала досада.

Побегав еще с полчаса по комнате, он подошел к двери, приложил ухо, прислушался. Вдруг киммериец уже возвращается? Вероятно, он вернется в эту же камеру. И расскажет обо всем, что увидел. Олдин сумеет вытащить из него все сведения, даже если Конан будет упираться и попробует отмалчиваться.

В конце концов, от того, какова Гуайрэ и как прошла ее встреча с Конаном, во многом зависит грядущая судьба обоих пленников.

Неожиданно у Олдина закружилась голова, он покачнулся и, чтобы не упасть, всем телом

привалился к двери.

И тут дверь открылась. Она оказалась незапертой!

Олдвин буквально вывалился из комнаты, которую все это время считал своей тюремной камерой, откуда нет и не может быть выхода. Он сильно ударился и с терцием полежал неподвижно, ожидая, пока утихнет боль. В голове у него все так и гудело. Мысленно он называл себя дураком — и это было самое мягкое из всех наименований, какие только Олдвин сумел извлечь из глубин своей академической памяти.

Наконец, держась за стену, он поднялся на ноги. Огляделся. Длинный коридор уводил в обе стороны. В нишах вдоль всего коридора стояли горящие светильники — это были глиняные и медные лампы, сделанные в виде самых различных диковинных существ. Весь коридор был залит таинственным мерцающим светом.

Олдвин избрал произвольное направление и медленно зашагал вперед. Ему было все равно, куда идти: подземные чертоги в любом случае представляли для него сплошную загадку.

Коридор уводил его под уклон, все глубже и глубже под землю, и Олдвину в конце концов начало казаться, будто он не человек, а слепой червь, огромное кольчатое существо, зарывающееся в почву, чтобы найти себе там убежище и пропитание. Он даже зажмурился, чтобы лучше представить себе, что ощущает подобное создание, и тотчас был наказан за излишнее усердие в фантазировании: он врезался в какое-то препятствие, которого не заметил, поскольку пробирался вперед вслепую.

Искры посыпались из глаз Олдвина. Он тихо вскрикнул и уставился на преграду, выросшую перед ним так внезапно и с таким нечеловеческим коварством.

Это была решетка, сделанная из какого-то не известного бритунской Академии материала. Тончайшие нити переплетались между собой, образуя причудливый узор, немного напоминающий паучью паутину, однако куда более изощренный. Ни один паук не сумел бы соткать подобные спирали, отдаленно напоминающие контуры роз. Но самым удивительным Олдвин нашел то обстоятельство, что «паутина» эта была почти невидимой. Даже если бы Олдвин изо всех сил таращился и выпучивал глаза, он и то обнаружил бы эту сеть лишь очутившись прямо перед ней.

Полупрозрачные нити сияли серебристым светом. Их бледное лучистое свечение отбрасывало едва заметные блики на стены.

Олдвин провел над ними рукой. Они источали приятную прохладу, которая слегка щекотала ладонь. И вдруг «паутина» начала стремительно таять. Олдвин поскорее отдернул руку, опасаясь, как бы эти таинственные нити не превратились в какое-нибудь клейкое и ядовитое вещество и не убили бы его, прилипнув к коже. А что? Ему доводилось слыхать о ядах, убивающих одним прикосновением к ним.

Но ничего подобного не произошло. От тепла человеческого тела тонкая сетка попросту растворилась в воздухе. После нее осталось благоухание — и ничего более. Олдвин осторожно шагнул дальше, но тотчас остановился.

Впереди не горело больше ни одной лампы. Перед ним расстилалась сплошная чернота.

* * *

Конан еще раз огляделся по сторонам. Необъятное пространство покоев королевы было залито теплым золотым сиянием. Но теперь киммериец мог бы поклясться, что источником этого света была вовсе не крохотная свечка на пороге, а некая человеческая фигура, отделившаяся от пустоты и представшая перед варваром.

Это была фигура юной женщины, высокой и гибкой. Она была облачена в длинные просторные одежды белого цвета. Тончайший полупрозрачный шелк бережно окутывал ее тело, и киммериец отчетливо видел сквозь покрывала каждый изгиб, каждую округлость. У нее была длинная талия, сильная спина и очень большая, странная для такого тонкого тела грудь.

Распущенные золотые волосы покрывали ее плечи и ниспадали до середины бедер. Они были схвачены на лбу тонким золотым обручем, усыпаным рубиновыми украшениями в виде глаз: широко раскрытые глаза чередовались с узкими, прищуренными. Самое большое око, сделанное из бриллианта, красовалось над ее лбом.

Яркий золотой свет исходил именно от этих волос. Каждый волосок, казалось, представлял собой отдельное произведение искусства, и Конану внезапно подумалось, что в Гуайрэ — кем бы она ни была — больше жизни, чем в большинстве людей, с которыми можно встретиться просто на улице или на большой дороге. Королева пустыни представляла воплощением самой Жизни. Теплая, нежная, исполненная света, она смотрела на Конана своими ласковыми голубыми глазами, а строгие рубиновые и бриллиантовые очи надзирали за киммерийцем с ее обруча, как бы следя за тем, чтобы никто не посмел обижать королеву.

Он остановился в трех шагах от нее, рассматривая ее с возрастающим изумлением. И вдруг Гуайрэ улыбнулась и протянула к нему руки, точно дитя, наконец-то нашедшее давно потерянного родителя:

— Иди ко мне! — позвала она.

Конан шагнул вперед и утонул в ее объятии.

* * *

«Нельзя вот так безоглядно бросаться в темноту, — подумал Олдин. — Хоть я и храбрец, в чем нет сомнений, — выбрался же я из нашей тюрьмы! — но осмотрительность никогда не противоречила мужеству».

Он вернулся в коридор и взял из ниши одну из горящих ламп.

В неверном свете лампы Олдин наконец сумел рассмотреть то, что находилось за незримой сетью-паутиной. Вдоль стен стояли большие сундуки с закрытыми крышками. Сверху, на крышках, находились ларцы из резной пожелтевшей кости.

— Неужели это то, о чем я думаю? — прошептал Олдин.

Он поднял лампу высоко над головой и осветил коридор. Насколько видел глаз, повсюду открывалась одна и та же картина: сундуки и ларцы, сундуки и ларцы... Они исчезали в бесконечности.

Олдин подошел к одному из ларцов и отбросил крышку. Она легко открылась, и в свете огня перед бритунцем заиграли всеми цветами драгоценные камни, золото и серебро. Здесь были украшения из жемчуга и перламутра, из рубинов и бриллиантов; массивные браслеты из чистого золота, серебряные подвески с бирюзовой инкрустацией, наборные пояса, кинжалы с узорными рукоятками...

Олдин очутился в королевской сокровищнице.

Он почувствовал, что задыхается. Ему стало трудно дышать, и он вынужден был сесть на пол и поставить рядом с собой лампу.

Несметные богатства окружали его со всех сторон. Удивительное дело! Олдин всю жизнь считал себя истинным ученым, философом и исследователем, человеком, которому гораздо важнее докопаться до истины, нежели разбогатеть. Он воображал себя свободным от алчности. Он с насмешкой взирал на людей, которые тратили столько сил и времени на то, чтобы

разбогатеть. «Жалкие ничтожества! — думал Олдин, наблюдая за каким-нибудь из таких старателей. — На что они расходуют свои дни? На то, чтобы завладеть деньгами, которые в конце концов достанутся их наследникам и будут спущены за игрой в кости или на продажных женщин!»

Да, до сих пор Олдин считал, что сам он — другой породы. Но сейчас он понял: дело было только в количестве сокровищ. Олдин никогда не видел возможности разбогатеть по-настоящему. О да, он не желал разменивать свою жизнь на крохи богатства, но сейчас, очутившись перед лицом по-настоящему несметных сокровищ, Олдин вынужден был признать: он — такой же, как и те, кого он презирал.

Он еще раз посмотрел вперед. Сундуки, доверху набитые сокровищами, уходили в бесконечность. Длинные ряды сундуков.

Слушая рассказы о том, что королева якобы живет тысячу зим, Олдин сильно сомневался в этом. Наблюдая за таинственными воинами королевы, разглядывая ее подземный дворец, даже сведя знакомство с чудовищем, которое ей служило, охраняя подступы к ее владениям, Олдин вынужденно признавал могущество Гуайрэ. Но только сейчас, увидев, сколько добра она успела приобрести, Олдин по-настоящему поверил в реальность всего происходящего.

Да, грабежи не прекращались на протяжении тысячи зим. И королева, несомненно, оставляла в своей сокровищнице только самое лучшее.

«Нужно успокоиться, — подумал Олдин, тяжело дыша. Он провел рукой по лбу, вытирая пот. — Нужно привести себя в чувство. Нельзя так раскисать! Я погибну, если не разработаю ясный и однозначный план и не буду следовать этому плану с твердокаменной несогбенностью».

Он несколько раз вдохнул и выдохнул, произнося молитвы богу Белу — покровителю всех воров. Никогда прежде почтенный Олдин не обращался к Белу, но — лучше поздно, чем никогда! Воры, чьи нравы и обычаи Олдин исследовал в родной Британии, уверяли его, что этот шемитский по происхождению бог всегда помогает.

— О великий Бел, я хочу взять немного сокровищ из этой коллекции, — вслух произнес Олдин. — Я рассказываю тебе о своем плане для того,

чтобы ты помог мне следовать ему с твердокаменной несогбенностью. Я должен разбогатеть. Я хочу взять два ларца. Этого хватит, чтобы... — Он помолчал и поправился: — Нет, я хочу взять три ларца. Этого точно хватит...

Новая пауза. Олдин снова поднял лампу и посветил себе. Бесконечные ряды сундуков тянулись сквозь стены, их содержимое, казалось, безмолвно взвывало к Олдину. Он почти физически ощущал, как давит на него собранное здесь богатство, и хотелось взвалить на себя как можно больше сладкого бремени.

— Погоди, погоди, — пробормотал Олдин. — Есть ведь еще Конан, мой спутник... Погоди, Бел, я еще не определился окончательно... Не могу же я забрать себе три ларца, набитых драгоценностями, и совершенно не подумать о моем товарище? Нет, нет... Решено. Я беру шесть ларцов. Три мне и три киммерийцу. Или нет...

Он еще раз вздохнул. Пот стекал по его лицу ручьями, его трясло, как в лихорадке.

— Что со мной происходит? — прошептал Олдин. — О чем я думаю, что говорю? Я нахожусь глубоко под землей, во дворце, затерянном среди пустыни и окруженном зыбучими песками... Даже если я заберу сейчас отсюда шесть или десять ларцов (да, десять было бы лучше всего!) — как я выберусь на поверхность? Как вернусь в цивилизованный мир? Боги, что мне делать?

Он закрыл лицо руками и заплакал, совершенно безутешный, окруженный морем сокровищ, которые, казалось, взирали на него с полным равнодушием к его душевным мукам.

— Я так долго ждала, — прошептал сладкий женский голос в ухо киммерийца. — Если бы ты знал, как одинока я здесь, в этом дворце! Я живу словно в заточении... Я, повелительница, чувствуя себя пленницей!

Конан молча ласкал ее, ощущая тепло ее бархатистой кожи под тончайшими одеждами.

— Я пленница моего одиночества, — задыхаясь, говорила Гуайрэ. — Я королева, повелительница... Никто из моих воинов не смеет прикасаться ко мне! Я не дозволяю им этого. Они не имеют права даже смотреть мне в лицо. Когда я прихожу, они падают ниц и смотрят в землю... Но я — женщина, я — живая, я нуждаюсь в мужской любви. И ты, прекрасный, сильный чужак, — ты даешь мне то, без чего я умру...

Конан тихо засмеялся и привлек ее к своей широкой груди.

— Дорогая моя, ни одна женщина не уходила от меня разочарованной. И ни одна не получала отказа, если только не была злой и уродливой.

— Я не зла и не уродлива? — спросила Гуайрэ, совсем по-детски выпячивая губы. — Я ведь нравлюсь тебе?

— Да, — сказал Конан просто. — Ты красива и желанна.

— Идем.

Она схватила его за руку и потащила за собой. Он, наполовину забавляясь, последовал за ней. Только теперь Конан увидел, что королева вышла к нему босая. Ее узкие розовые пятки мелькали из-под белоснежного шелкового подола.

— Я не ношу обуви, — сказала Гуайрэ, как будто прочитав его мысли. — Быть босой — быть царственной. Я не страшусь обжечься о раскаленные пески моей пустыни. Обнаженная кожа — вот моя королевская обувь!

Как ни был Конан захвачен этим неожиданным приключением, он все же не забывал осматриваться по сторонам. Ровный золотой свет заливал комнату, ее потолок и стены украшала все та же знакомая резьба, и причудливая игра света и тени делала таинственные фигуры живыми.

Неожиданно киммерийцу показалось, что, хоть они с королевой и шли вперед очень быстро, почти бежали, на самом деле они оставались на одном и том же месте. Узоры не менялись, прежними были и другие детали, например, канделябры и ниши с вазами.

Желая проверить свою догадку, Конан обернулся, чтобы взглянуть на свечу, зажженную возле порога. Но он был разочарован: свеча действительно обнаружилась там, где помнил ее киммериец, возле хрустальной двери, — но теперь она находилась в невообразимой дали, словно бы отодвинувшаяся от него на десятки полетов стрелы. Ее трепетный огонек все же был хорошо различим — он превратился в крохотную, ослепительную красную точку.

Внезапно королева остановилась и хлопнула в ладоши. Конан едва не споткнулся о выросшее перед ними ложе.

Это была гигантская кровать с рамой из черного дерева. Из черного дерева были вырезаны и ножки кровати — четыре оскаленных рычащих льва с разметавшейся гривой. Каждая прядка львиной гривы была, тем не менее, тщательно причесана и заканчивалась человеческой кистью. Эти кисти жили собственной жизнью — они сплетались между собой пальцами, грозили друг другу и зрителю, растопыривались или сжимались в кулаки.

Но у Конана не было времени рассматривать чудесную резьбу более подробно. Гуайрэ увлекла его на ложе и накрыла своими золотыми волосами.

— Люби меня, прекрасный незнакомец! — прошептала она.

— Я не должен предаваться пустым мечтам, — говорил себе Олдвин. Он пытался успокоиться, слушая собственный голос, но происходило нечто обратное. Звук человеческого голоса отражался от стен, и казалось, будто из сундуков ему отзываются тихим мелодичным пением драгоценные камни.

Олдвин зажал уши ладонями.

— Пока я здесь предаюсь мечтам о богатстве, Конана, быть может, пытают... — говорил он себе. — Я должен встать и вернуться в нашу комнату. Когда Конана туда вернут... если его вернут вообще... мы сможем поговорить. Конан, несомненно, придумает, как нам спастись самим и завладеть этими несчастными четырнадцатью ларцами... Да, по четырнадцать на брата, полагаю, будет в самый раз...

Он встал на четвереньки и из последних сил пополз к выходу из сокровищницы. Когда он подбирался к порогу, ему почудилось, будто кто-то смеется ему вслед.

Гуайрэ лежала рядом с киммерийцем, опершись на локоть, и играла черной прядью его волос.

— Ты похож на тех воинов, которых я создала для себя, — говорила она задумчиво. — Похож и не похож. Они все были разными, когда пришли ко мне. Знаешь об этом? Кто-то чернокожий, кто-то совсем бледный... Одних я покупала на рабских рынках, других выискивала заблудившимися в пустыне. Все они боготворят меня! А ведь я не богиня...

— Ты прекрасна, — невпопад сказал Конан. Он полностью отдался чувству блаженства.

— Тех, кто угодил мне больше, я делала золотоволосыми и нежными, — продолжала Гуайрэ. — Они прислуживают лично мне. Подают мне одежды, приносят благовония, умащают мою кожу, надевают на меня украшения... О, все они благоговеют передо

мной! Они не смеют взирать на меня и потому завязывают себе глаза тонкими шелковыми платками. Их пальцы ощупывают мое тело, мои волосы и лицо, но глаза их никогда меня не видят.

— Утонченно, — вздохнул Конан. Ему хотелось спать.

— Других я сделала черноволосыми и смуглыми, придала им сил и мощи, — продолжала Гуайрэ. — Они привозят мне из внешнего мира разные чудесные вещи. Эти — другие. Они... — Неожиданно она заплакала, и Конан сразу стряхнул с себя сон. Он по опыту знал: если женщина в постели плачет, значит, она очень хочет добиться от мужчины каких-то важных услуг.

— Они больше не почитают меня! — выговорила Гуайрэ тоном обиженнего ребенка.

— Мне так не показалось, — осторожно возразил Конан.

Она обняла его, прижалась к нему всем телом, и Конан ощутил, что она дрожит. Ее слезы капали ему на лицо, на плечо.

— Нет, ты не знаешь всего! — горячо зашептала Гуайрэ. — Эти черные воины слишком много времени проводят во внешнем мире. Их пленили богатства и роскошь того, что находится за пределами моего королевства. Им больше недостаточно того, что могу дать им я! А ведь я дала им все: силу, красоту, пристанище, возможность служить истинной повелительнице! Они непобедимые солдаты, они... они прекрасны! И все же они недовольны.

— Это в природе человека, — сказал Конан. — Поверь мне. Сколько ему ни дай, он все

равно будет чем-то недоволен. Всегда ему мало...

— И ты такой же? — спросила Гуайрэ с легким вздохом. — Скажи мне правду, Конан! Ты — такой же? Сколько тебе ни дай, все будет мало?

— Мне ничего не нужно давать, — ответил киммериец. — Все, что мне требуется, я беру сам, не спрашивая разрешения.

Он поцеловал ее, и они снова сплелись в страстном объятии.

* * *

Когда Олдин добрался до знакомой двери, пот стекал с него ручьями. Он чувствовал себя совершенно вымощанным. Перед его глазами вспыхивали разноцветные огни, в голове гудело, и ему казалось, что все его тело налито огнем и пылает. Больше всего на свете он боялся сейчас, что упадет без чувств и не сумеет попасть в комнату. Помещение, которое несколько поворотов клепсидры назад еще воспринималось им как тюрьма, как место скорби и вечной тоски, откуда никогда не будет исхода, сейчас представляло как единственное возможное убежище.

— Еще чуть-чуть, — подгонял себя Олдин, заставляя двигаться вперед.

Он уже различал желанную цель, но ноги отказались держать его, и ученый бритунец пал на четвереньки. Он упрямо полз, передвигая колени и чувствуя под локтями твердый камень.

Вот уже дверь. Олдин приподнялся, схватился за нее руками и потянул. Она нехотя отворилась, и Олдин из последних сил вполз туда. Дверь сама тихо затворилась за ним.

Олдин очнулся на полу. Он лежал и смотрел на знакомые две кровати, на стены и потолок. Конана здесь не обнаружилось, и в первое мгновение Олдин обрадовался этому обстоятельству. Не хватало еще, чтобы варвар застал его в момент слабости!

— Тридцать один — забавное число, — пробормотал Олдин. — Полагаю, имеет смысл сделать на эту тему небольшое сообщение в Академии. Нужно будет записать... Попросить таблички и записать...

Впрочем, тридцать один сундук с драгоценностями на брата — это достаточно, чтобы купить себе новые таблички для записей... О, можно купить целые горы табличек для записей! Тридцать один сундук на брата. Да, так лучше всего.

— Эй, — прозвучал голос киммерийца, — что это с вами, приятель?

Олдин замер, словно насекомое, насаженное на булавку. Страх пронзил его и заставил замолчать.

Загорелая физиономия Конана возникла прямо перед глазами Олдина. Киммериец выглядел таким довольным, он ухмылялся с таким победоносным видом, что Олдину мгновенно захотелось подсыпать ему в питье какого-нибудь сильнодействующего яда. Такого, чтобы убивал долго и мучительно.

Вероятно, эти мысли отразились на лице бритунца, потому что Конан сказал:

— Вы скверно выглядите. Что с вами случилось?

— А что я делал? — осторожно поинтересовался бритунец. Сейчас, когда рядом находился Конан, наваждение, связанное с сундуками, почему-то испарилось.

— Ну, вы изволили бормотать разные глупости... Меня поразил способ, которым вы проникли в комнату. Впервые вижу академика, который вползает в свои апартаменты на четвереньках.

Олдин подумал о некоторых из своих знакомцев и мысленно решил, что не может с чистой совестью повторить ту же фразу, какую только что произнес Конан. Он лишь проворчал:

— Помогите мне забраться на кровать. Голова кружится. Кстати, что вы думаете насчет

тридцати одного сундука?

— Довольно отвлеченное понятие, — сказал Конан, взваливая Олдвина на кровать. Тот поморгал, осваиваясь со своим новым положением в пространстве, и продолжил:

— Тридцать один сундук, набитый сокровищами, — это вещь вполне реальная.

— Вы обнаружили их сокровищницу? — насторожился Конан.

Олдвин приподнялся на кровати, опершись на локоть.

— У вас потрясающе организованный ум! — воскликнул он. — Как это вам удается смотреть в самый корень вещей?

Конан, изображая скромность, пожал плечами.

— Большой практический опыт. Когда человек со слабыми нервами начинает бормотать про тридцать один сундук, это означает, что его охватила лихорадка кладоискателя. Она редко заканчивается чем-то хорошим.

— Да, — признал Олдвин, — я нашел их сокровищницу.

И едва он выговорил эти слова, как лихорадочное состояние отпустило его. Теперь он вполне ясно различал окружающую обстановку, видел Конана, со скрещенными ногами сидевшего на второй кровати. В голове прояснилось. Все, о чем он думал раньше, предстало Олдину непростительной глупостью.

— Я набрел на нее случайно, во время своей прогулки по здешним коридорам, — рассказал Олдин. — Если то, что я увидел, не было обманом зрения, то... В общем, там очень много.

— Еще бы! — воскликнул Конан, блеснув синими глазами. — Они ведь занимались разбоем на протяжении нескольких сотен зим.

— Полагаете, мы сможем завладеть хотя бы толикой... — начал было Олдин, мысленно проклиная себя за то, что возвращается к прежней теме. Он уже знал, что раздумья об этом чреваты бредом и лихорадкой.

— Полагаю, сперва нам следует понять, каким путем мы будем выбираться отсюда, — спокойно ответил Конан. — Ну а когда главное станет нам ясно, найдется время поразмыслять и о второстепенном.

— Расскажите об аудиенции у ее величества, — спохватился Олдин. За всеми этими переживаниями он совершенно упустил из виду, что Конан побывал в личных апартаментах королевы и имел с нею личную беседу. — Какова она?

— Гуайрэ? — Конан усмехнулся. — Очень горяча в постели, вот что я вам скажу, приятель. Хороша необыкновенно. И кожа у нее бархатистая, а волосы пахнут какими-то удивительными благовониями — я таких ни на одном базаре не встречал.

Олдин так и подпрыгнул, едва не свалившись при этом на пол.

— Уж не хотите ли вы сказать, что занимались с королевой... с ее величеством...

— Именно, — подтвердил Конан. — Мы неплохо провели время. Знавал я многих девчонок, но Гуайрэ почти всем им не чета. Впрочем, чему я удивляюсь! Если ей действительно больше тысячи зим, у нее было время соскучиться по мужской ласке.

— Проклятье, Конан, — сказал, помолчав, Олдин, — вы сейчас просто отвратительны. Образец самодовольства и дурного вкуса.

— Если бы вы видели Гуайрэ, вам не пришло бы и в мысли говорить о дурном вкусе. Она прекрасна, — заявил киммериец. — Она кое о чем меня просила... Видите ли, при ее дворе сейчас существует довольно сильная оппозиция. Да, да, в этом трудно поверить, но в окружении Гуайрэ есть люди, которым не нравится жить в замкнутом пространстве. Кажется, мы об этом краем уха уже слышали... Королева просила меня встать на ее сторону и помочь ей в решающей битве. А она предполагает, что скоро все подспудные течения и тайное недовольство выйдут на поверхность и обретут то, что в вашей Академии назвали бы «материальным воплощением».

Короче говоря, она боится бунта своих приближенных и просит нас защитить ее.

— И что вы решили? — осторожно поинтересовался Олдвин.

— Я еще ничего не решил, — ответил Конан. — Лично я считаю, что всем этим господам лучше бы сидеть в своих песках посреди пустыни и не распространяться по всему свету. Эта изоляция на пользу не только Гуайрэ, но и жителям соседних держав.

— Да, да, — закивал Олдвин, — вы абсолютно правы... Но мне совершенно не нравится, что нас втягивают в какие-то придворные интриги. Есть в этом что-то нехорошее. Нездоровое. Сплетни, тайные переговоры, подозрения, «у стен есть уши» — и все такое... По-моему, это недостойно.

— Скажите просто, что боитесь, — фыркнул Конан.

— Почему бы и нет? — Олдвин поднял брови. — Не вижу ничего зазорного в том, чтобы бояться придворных интриг. Выиграть в этой игре трудно, а мы к тому же плохо разбираемся в обстановке и совсем не знакомы с действующими лицами.

— Кстати, различить друзей и врагов будет очень просто, — сказал Конан. — Интимные приближенные Гуайрэ — золотоволосы, как и она. Они поддерживают королеву во всем. Черноволосые почти все желают выйти за пределы маленького королевства и

захватить пару соседних областей... Впрочем, это не означает, что возможны исключения.

— Вот видите! — развел руками Олдвин. — Мы должны действовать как можно более осмотрительно.

— Именно, — Конан широко зевнул. — А сейчас, коль скоро других дел у нас с вами нет, я бы спал. Устал, знаете ли. Утомился, выполняя свой дипломатический долг. Если произойдет что-нибудь ужасное, разбудите, но только в этом случае — и ни при каких других обстоятельствах не вздумайте меня тревожить!

Глава четвертая

Любовь, погубленная в песках

Конан встречался с королевой теперь ежедневно. От киммерийца никак не зависело, где и когда это происходило. Он полностью отдался отдыху и проводил время возле фонтанов, в саду или в роскошных залах подземного дворца. Но где бы он ни находился, его всегда отыскивали слуги королевы, печальные белокурые юноши, которые брали киммерийца под руки и уводили за собой.

Конан выглядел как бродяга-варвар, на которого внезапно свалилось неслыханное счастье. Он вовсю наслаждался благами жизни, ел и пил в свое удовольствие, а после того, как он изъявил желание послушать музыку, к его услугам всегда были юноши, играющие на разных диковинных инструментах, поющие и танцующие.

В ряде случаев Конан не мог понять, кто перед ним, юноши или девушки. Королева превратила своих золотоволосых слуг, в угоду новому возлюбленному, в женоподобных красавцев (или, быть может, в красавиц). Они носили просторные развевающиеся одежды, их длинные волосы свободно падали им на плечи, а руки их были тонки и изящны. Они пели чудными голосами, но и по голосу невозможно было определить, каков истинный пол существа.

Впрочем, поскольку киммериец не испытывал к ним никакого вожделения, он и не задавался целью выяснить все эти обстоятельства. Его окружала красота, он купался в роскоши и покое.

Часть этих благ перепадала и Олдину. Бритунец обзавелся новыми табличками для записей и усердно покрывал их письменами. Вечерами он пробовал читать свои заметки Конану, но киммериец сразу же погружался в глубокий, очень спокойный сон, так что в конце концов Олдин перестал метать бисер перед свиньями и прекратил чтения.

Конана это немного удивило. «Вы бы очень меня обязали, если бы все-таки прочитали мне пару строк», — заметил он.

Олдин решил не углубляться в этот разговор, который, по мнению бритунца, мог болезненно ранить его самолюбие.

На четвертый или пятый день блаженства и ничегонеделания Конан и Олдин, по обыкновению, ели виноград возле фонтана и слушали пение птиц. В саду, в некотором отдалении, звучали цимбалы: там скрывались, по приказанию Конана, двое музыкантов. Возлюбленный королевы заявил, что сегодня он склонен к одиноким раздумьям и что созерцание посторонних лиц будет отвлекать его от важных мыслей. И посему им надлежит спрятаться и играть погромче, дабы не лишать своего повелителя удовольствия наслаждаться музыкой. Олдин только диву давался:

— Никогда бы не поверил, что за всего за несколько дней вы могли превратиться из сурового закаленного воина в изнеженного сибарита!

— Варвары очень быстро разлагаются, — охотно пояснил Конан. — Это заложено в нашей невежественной природе.

Олдин прищурился. Ему вдруг показалось, что Конан насмехается, но киммериец выглядел чрезвычайно серьезным.

— Наш слабый интеллект не выдерживает столкновения с роскошью и рассыпается на тысячу мелких осколков, — добавил Конан, жуя. — Так и запишите в вашей книге. Слово в слово.

Неожиданно он насторожился. Олдин проследил его взгляд и обернулся.

— Что там такое?

— Кто смеет нарушать мое одиночество? — загремел Конан.

В саду появилась фигура, закутанная в плащ с капюшоном. Заслышив голос Конана, фигура остановилась и умоляющим жестом поднесла руку к губам. Конан замолчал и настороженно уставился на пришельца.

Теперь от позы сибарита существующего бездельника не осталось и следа: киммериец подобрался, готовый действовать в любое мгновение.

К счастью, на крик Конана никто не явился. Слуги, должно быть, уже привыкли к капризам наложника королевы и не обращали внимания на его негодящие вопли и требования немедленно распять вниз головой мерзавца, допустившего мухе попасть в шербет и там издохнуть.

Закутанная фигура, семеня и путаясь в складках плаща, приблизилась к обоим приятелям. Походка была женская, но неловкая, как будто некто либо не слишком умело имитировал женщину, либо вовсе не являлся женщиной, а просто не умел ходить в длинных одеяниях.

Незнакомец устроился в отдалении от фонтана, тщательно следя за тем, чтобы случайный порыв ветра не оросил случайно его каплями воды.

После этого он откинул с лица капюшон.

Завидев представшее перед ним лицо, Олдин тихо вскрикнул от изумления и ужаса и тотчас прикусил губу, сообразив, что ведет себя невежливо. Конан, напротив, обрадовался, как будто встретил старого знакомого.

Впрочем, так оно и было на самом деле, ибо явившийся в сад человек — точнее выражаясь, существо, — был никто иной, как Эан, хранитель зыбучих песков.

Его огромная голова с пятью глазами венчала щуплое туловоище с кривыми ножками и непомерно длинными руками. Одна из рук до сих пор несла на себе отметину от удара, который нанес ей Конан.

Киммериец виновато кивнул на рубец:

— Не болит?

— Иногда, — скрипнул Эан.

Олдин переворотил взгляд с чудовища на своего спутника и обратно.

— Мне показалось, или вы действительно знакомы? — спросил он наконец.

— Представь меня, — попросил Эан.

Конан ухмыльнулся.

— Это — хранитель зыбучих песков, который утверждает, будто его зовут Эан. А это, Эан, — мой спутник и приятель, ученый человек по имени Олдин. Он очень любознательн и все записывает на свои таблички.

— О, — произнес Эан. — Да, наверное, люди умеют писать. Я забыл. — Его глаза отчаянно моргали. — Некоторые люди умели рисовать! Но все, что они рисовали на песке, заплывало и исчезало. Я помню эти пальцы, что царапали песок в попытках выбраться... Бессвязные, глупые знаки!

— Ты бредишь, — ласково сказал ему Конан.

Олдина поразил тон его голоса. Никогда прежде бритунец не слыхал, чтобы варвар так с кем-нибудь разговаривал. Олдин ощутил легкую досаду.

Эан медленно повернулся к киммерийцу свою большую голову и еще медленнее разинул рот. Застыв в этом положении на какое-то время, он наконец пошевелился.

— Ты уже стал ее любовником? — спросил он Конана без обиняков.

Киммериец задумчиво потер подбородок.

Он склонил голову набок и уставился на Эана с любопытством.

— Почему тебя это так занимает? — отозвался он наконец. — Положим, Гуайрэ захотела видеть меня в своей постели. Она — красавица, пылкая, с нежной кожей... Отказываться было бы глупо.

— Вот и я так решил, — с глубочайшим вздохом пророкотал Эан. Звук его голоса проникал, казалось, под кожу и щекотал обнаженные нервы.

Конан удивленно уставился на своего приятеля-монстра.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты решал за меня, стоит ли мне заняться любовью с Гуайрэ? Но, по-моему, ты не можешь влиять на мои поступки. Или?..

— Нет, — Эан грустно усмехнулся. — За свои поступки ты отвечаешь сам.

— Нельзя ли выражаться яснее? — вмешался Олдин. — У меня что-то все путается в голове.

— Я рисковал моей ничтожной погубленной жизнью для того, чтобы прийти сюда и предостеречь вас обоих, — сказал Эан грустно. — Посмотрите на меня! Вы видите, какой я. Я сам себя не вижу. Я — никто, ничто, мерзкая тварь, обитающая в зыбучих песках, жалкий раб могущественной королевы...

— Такова участь многих монстров, — сказал Конан, пожимая плечами. — Тебе еще повезло. После встречи со мной лишь немногие из вашего брата остаются в живых.

— Я так и подумал, когда увидел тебя, — признался Эан. — Сказать по правде, я изрядно струсил, едва лишь ты появился. Я сразу понял, что напугать тебя не удастся. У тех, кто убивал уже монстров, совсем другое выражение глаз. Не такое невинное.

Олдин вдруг оскорбился.

— Кого ты называешь невинным, ты, пятиглазый ублюдок?

Конан остановил своего бритунского спутника, видя, что тот разозлился не на шутку и уже готов наброситься на Эана.

— Что с вами? Сидите спокойно!

— Он посмел назвать меня «невинным»! — кипятился бритунец. — Да я стряхну за это лишние зенки с его бесстыжей физиономии!

— «Невинный» — это не оскорблениe, — заметил Эан. — Члену бритунской Академии хорошо бы знать смысл этого слова.

— Я достаточно практичен и довольно знаю о реальной жизни, чтобы разбираться, какое слово является оскорблением, а какое — нет! — прошипел Олдин.

Конан сказал Эану дружески — так, словно не было никакого инцидента:

— Просто рассказывай все, зачем пришел. Если это будет в моих силах, я попробую тебе помочь.

— Мне уже ничто не поможет, — прошептал Эан. — Изменения необратимы...

Внезапно у Конана мороз прошел по коже. Он вспомнил, что Гуайрэ рассказывала ему о воинах, которых она превращала в красавцев и силачей. Ей под силу изменить человеческую природу, сделать из чернокожего кушита стройного белокурого юношу с внешностью аквилонского аристократа!.. Не значит ли это, что...

— Ты хочешь объяснить, что не всегда был пятиглазым, с гигантской пастью и прочими украшениями?.. — вымолвил Конан, изумленно рассматривая своего необычного собеседника.

— Да, — квакнул тот. — Именно. Зим двести назад меня звали Эан.

Сперва путь наш проходил спокойно, но когда мы перевалили Карпашские горы, случились сразу две неприятности. Во-первых, опасно заболел наш проводник, так что пришлось оставить его в маленьком поселении на краю пустыни. А во-вторых, на нас напали разбойники. Это произошло на второй день пути... Разбойники гнались за нами на черных конях. Они медлили нападать и первое время кружили на горизонте угрожающими тенями, точно стервятники. Но с наступлением ночи они набросились на нас и началось истребление. Это нельзя было даже назвать битвой. Мы не сумели дать достойного отпора. Те, кто пытался защищаться, пали от их мечей. Тех, кто сразу сдался, они зарубили позднее. Затем они распотрошили тюки и разбросали по песку весь наш товар. Они взяли лишь немногое — шелк, драгоценные ожерелья. Все остальное затоптали их кони.

Эан остановился и снова разинул пасть. Очевидно, это был способ успокоиться, к которому монстр прибегал время от времени.

Затем вновь зазвучал его странный квакающий голос.

Я потерял все — мою семью, мою жизнь, мою честь, самое мое тело... но до сих пор испытываю сильнейшую душевную боль при воспоминании о том, как их кони топтали наш товар. Вместе с этим товаром они как будто разрушали все надежды моей семьи когда-либо поправить дела. Надежду для моего отца на достойную старость, надежду для сестры — на достойное замужество... Все свои упования они возложили на меня, а я... я, схваченный и связанный, мог только бессильно наблюдать за происходящим!

Меня оставили в живых. Предводитель черных — его звали Заграт, — сказал что-то вроде: «Гуайрэ давно тоскует без живой плоти». Кругом засмеялись. Они продолжали смеяться, когда связывали мне руки и ноги и прикрепляли к седлу одной из лошадей, точно какой-то выюк.

Я болтался на коне, меня тошило от качки, я страдал от жажды и мечтал только о смерти. Все, что было мне дорого в жизни, уже погибло, — чего еще я мог от нее ожидать? Знал бы я!..

— Человеку не дано знать заранее свою судьбу, — изрек Олдин и сам почувствовал себя глупо.

Эан не обратил на эту сентенцию никакого внимания. Он весь находился во власти

воспоминания.

— Я не сомневался, впрочем, в том, что скоро умру. Разве Заграт не сказал, что Гуайрэ скучает без свежей плоти? У меня и в мыслях не было, что он имеет в виду нечто иное, а не самое обычное людоедство! Я только молил богов о том, чтобы меня

убили прежде, чем начать есть. Боги свидетели, я не страшился смерти, но перспектива быть сожранным живьем или сваренным заживо меня все-таки пугала!

Каково же было мое удивление, когда я предстал перед Гуайрэ. Она была нежна и прекрасна, такая ласковая и податливая! Она увлекла меня в свою постель и наградила самым большим счастьем, какое только может испытать человек.

В ее объятиях я забыл обо всем... Годами я даже не вспоминал отца и сестру, не говоря уж о больном брате. Мне было безразлично, что стало с моей семьей. Видение моих убитых спутников не преследовало меня. Мои сны были спокойными, а дни — полны наслаждений и неги. Гуайрэ неизменно оставалась молодой и прекрасной, а я был по-прежнему достоин ее любви.

Наконец кое-какие подозрения начали закрадываться даже в мою глупую, пустую душу! Почему никто из нас не изменяется? Почему я не старею? И сколько зим прошло с тех пор, как я очутился в роскошном дворце?

Когда я спросил об этом королеву, она принялась смеяться и наконец сообщила мне о том, что минуло уже две зимы и что я, если буду по-прежнему «хорошим мальчиком», не состарюсь и не умру никогда. Я вечно буду вкушать блаженство в ее объятиях, вечно буду трапезничать в прекрасном саду — и все прочее...

Я успокоился и вновь погрузился в свое безмятежное счастье. Но затем я начал замечать, что Гуайрэ все реже зовет меня в свою постель. Я решил последить за нею.

О, меня терзала ревность! Клянусь, я даже не помышлял о том, что лишившись ее постельных милостей, я потеряю заодно и прочие дары, включая вечную молодость и вечную жизнь. Я же видел, что таковыми остаются окружающие королеву воины и личные слуги.

И я выследил ее... У нее появился новый любовник. Я не знаю, кем прежде был этот юноша. Она изменила его внешность по собственному усмотрению, так что теперь он был стройный белокожий красавец с медно-золотыми волосами. Я помню его руки с очаровательными длинными пальцами. О да, я до сих пор помню его руки! У него все пальцы, за исключением большого, были одной длины, и он красил ногти синей краской.

Я вошел с ним в дружбу. Он был весьма приветлив и охотно свел со мной знакомство. Он доверял мне! Мы вместе гуляли по саду и по окрестностям владений королевы, по самым окраинам. Я рассказывал ему разные истории — и те, что вспоминались мне из моей прошлой жизни, и те, что я узнал в моей жизни нынешней.

За двести зим их набралось немало, и многие были забавными. Я помню, как он смеялся! До сих пор этот радостный, почти детский смех стоит у меня в ушах!

И вот однажды я понял, что готов совершить то, чего не делал прежде никогда. Я завел его во время прогулки в зыбучие пески.

«Смотри, — сказал я тому, кто считал меня своим лучшим другом, — кажется, вон там, в песках, вырос прекрасный цветок!»

Я щелкнул пальцами, и юноша действительно увидел в песках цветок.

«Какое чудо! — наивно обрадовался он. — Она так любит цветы... У нее в саду тысячи цветов, но этот будет для нее особенным, ведь я сорву его среди песков, чтобы преподнести ей в дар...»

И с этими дурацкими словами он полез прямо в трясину. Сперва он даже не понял, что происходит. Его ноги засосало. Он дернулся, и тотчас погрузился по пояс. Он повернулся ко мне

свое глупое лицо и посмотрел на меня с детской верой в то, что сейчас я совершу чудо и спасу его от гибели.

«Помоги мне! — попросил он. — Ты видишь, я провалился».

«Да, — сказал я ему, — ты провалился, дружок, и ты пропал. Прощай».

Я повернулся и зашагал прочь. Он смотрел мне вслед — клянусь, я до сих пор ощущаю силу этого взгляда! Он звал меня и умолял вернуться! Он говорил, что произошло, должно быть, какое-то недоразумение, он отказывался верить в то, что все это происходит с ним наяву, да еще по моей вине.

Один только раз я повернулся к нему. Один раз. Я был уже довольно далеко, но все же обернулся и крикнул:

«Ты виноват в том, что из-за тебя Гуайрэ разлюбила меня!»

Не знаю, слышал ли он меня. Когда спустя день я вернулся к зыбучим пескам, я увидел лишь его руки. Они по-прежнему оставались на поверхности — изящные тонкие руки с накрашенными ногтями.

Гуайрэ пришла в ярость. Она сразу догадалась обо всем, что произошло. Она приказала схватить меня — о, я пытался бежать, боги свидетели тому! Меня настигли. Заграт сбил меня с ног и избил, а затем меня, покрытого синяками и кровоподтеками, связанного, швырнули к ногам моей повелительницы.

Она с силой ударила меня ногой по лицу.

«Презренный пес! — закричала она. — Ты убил того, кто был мне дорог!»

«Я люблю тебя, — сказал я ей. — И что бы ты ни сделала со мной, всегда буду тебя обожать».

«Лжешь, — прошипела она. — Ты лжешь, ничтожный раб, и твоя верность куплена дешевой ценой. Ты лжешь, потому что такова рабская природа!»

И конечно же, она была права. Я возненавидел ее в тот же самый миг — и ненавижу до сих пор. И до сих пор я ее верный, жалкий, ничтожный раб, ибо такова моя природа...

— Что она сделала с тобой? — тихо спросил Конан.

— Она приказала бросить меня в зыбучие пески, — ответил Эан безучастно. — Так они и поступили, ее возлюбленные черные воины. Отнесли меня туда и швырнули в трясину. Я погрузился в пески не сразу. Сперва солнце сгребло мою кожу, потом ночной ветер заставил меня дрожать от холода. А к утру песок пришел в движение, и вот тогда я медленно опустился на самое дно.

Но я не умер. Гуайрэ слишком глубоко изменила мою природу. За двести зим я перестал быть человеком. Поэтому я начал превращаться. Песок словно бы обтачивал мое тело, как это сделал бы, наверное, резак каменотеса. Я кричал от невыносимой боли, но в мое горло забивался все тот же песок. Он разрезал мой рот, он буравил новые глазницы в моем черепе.

Длинное рыдание вырвалось из горла чудовища. Конан подошел к нему и коснулся его плеча.

— Довольно, хватит, — сказал киммериец. — Мы поняли, что с тобой произошло.

Эан поднял к нему лицо.

— Нет, — проговорил он. — Ничего вы еще не поняли. Гуайрэ продолжает навещать меня. Время от времени, нечасто. Думаю, ей это необходимо для того, чтобы поддерживать свою власть надо мной. Без ее посещений я, возможно, давно уже стал бы песком и рассыпался во прах. Но ее объятия и ласки позволяют мне оставаться в живых. Если, конечно, подобное существование можно назвать жизнью.

— Она... ласкает тебя? — пробормотал Конан, рассматривая Эана так, словно увидел его впервые.

Эан проговорил еле слышно, как мальчик, вынужденный сознаться в некоем постыдном поступке:

— Она приходит ко мне в своем истинном обличье... Это не вполне то, о чем ты думаешь сейчас, киммериец.

— Что такое — истинное обличье? — резко спросил Конан. — Мне ты можешь рассказать все, Эан, я в любом случае не стану тебя презирать.

— Нет, — Эан решительно качнул головой. — Нет, нет! Ты не должен этого знать! Если ты узнаешь, ты не сможешь ласкать ее так, как должно, а тогда она сразу догадается... и ты погиб!

— Но кое-что я о ней уже знаю, — указал Конан.

Эан грустно усмехнулся.

— Поверь мне, — проговорил он, — знать наверняка и подозревать нечто — это совершенно разные вещи. Когда человек лишь подозревает о чем-то, не имеющем конкретного воплощения, у него еще остается возможность надеяться на лучшее. Но стоит

тебе обрести уверенность — ты пропал навсегда...

— Я твой друг, — сказал Конан.

— В таком случае, — откликнулся Эан, — запомни мой рассказ, киммериец. Гуайрэ непременно попытается превратить тебя в нечто иное, не похожее на то, что ты есть. И если это случится, она завладеет тобой навсегда. Но сперва она должна заручиться

твоим согласием, Мы все добровольно предавали себя в ее власть. В тот MPiг, когда мы давали ей клятву верности, нам казалось это правильным. Она была добра и прекрасна, она наполняла нашу жизнь смыслом, — каждый из нас только и мечтал о том, чтобы провести рядом с нею вечность! И никто из нас не был предупрежден так, как я сейчас предупреждаю тебя. Не обольщайся, киммериец, не позволяй ей соблазнить тебя обещанием вечной жизни и вечной молодости. Ни один человек не должен связывать с нею свое будущее. Думай о себе как о ее пленнике, как об игрушке в ее руках, — об игрушке, которая должна помышлять лишь о бегстве! — и тогда ты, быть может, спасешься.

— Ты поможешь нам перебраться через трясину? — тихо прошептал ему на ухо Конан.

Эан заморгал всеми пятью глазами, затем зевнул. Его лицо совершенно утратило осмысленное выражение. Еще мгновение назад он был совершенно нормальным собеседником — если определение «нормальный» вообще приложимо к монстру, — а сейчас превратился в погруженное в себя, нелепое существо.

Он удивленно огляделся по сторонам, как бы спрашивая себя, где это он очутился, и вдруг переполошился:

— Ой, да тут фонтан! Вода смертельно опасна для меня. Я не хочу воды! Бежать, бежать!..

С этим криком Эан вскочил и на своих кривых коротеньких ножках, сильно раскачиваясь на ходу, устремился прочь. Конан и Олдин смотрели ему вслед, и ни один из двоих не нашел эту нелепую, едва ковыляющую фигурку потешной. Напротив, в безобразном облике Эана им почудилось что-то возвышенное и даже трагическое.

Глава пятая

Истинный облик

Вечером этого дня, вернувшись от Гуайрэ, Конан нашел своего товарища в сильном волнении. Олдин взволнованно бегал по комнате, то и дело выглядывал в сад, а затем вдруг

бросался на середину комнаты и начинал ломать руки.

— Хотите вина? — обратился к нему киммериец. Он вошел с самым развеселым и беспечным видом. В руке он держал узкогорлый кувшин, которым и размахивал.

— Вина? — Олдвин дико посмотрел на него. Несколько мгновений он буравил киммерийца взглядом, потом отошел к окну и снова глянул на него, как бы созерцая отвлеченную картину. — Вы предлагаете мне выпить?

— В принципе, да, — сказал Конан. — Полагаю, у этой фразы не может быть другого истолкования.

Олдвин скрипнул зубами. Конан, имевший опыт общения с учеными людьми, решил добить своего «академика» и прибавил:

— Не в данном контексте.

К его удивлению, Олдвин рассмеялся.

— Это действительно вы, мой друг!

— Разумеется, я. — Конан повалился на кровать и отхлебнул из кувшина здоровенный глоток. — Если вам угодно оставаться отвратительно трезвым, что ж, это ваш свободный выбор. — Он приподнялся и внимательно всмотрелся в своего приятеля. — А что это с вами происходит? Вы как-то скверно выглядите. И настроение у вас очень странное.

— У меня всегда странное настроение! Я вообще кажусь странным — во всяком случае, для людей, которые... которые... — Олдвин захлебнулся и стал ловить ртом воздух.

— Да, дружище, что-то с вами происходит, — заключил Конан. — Если бы здесь был лекарь, он приставил бы к вашей голове пиявок.

— А знаете, почему я кажусь странным? — не унимался Олдвин. — Потому что я не такой, как вы! Я смотрю в корень вещей!

— Не у всякой вещи есть корень, — философски заметил Конан. — У некоторых — только дно... а у иных нет и dna...

Он заглянул в кувшин, как бы ища подтверждение своим словам. Олдвин подскочил к нему и сильно тряхнул его за руку.

— Это действительно вы? Или она уже начала производить над вами свои эксперименты?

Конан воззрился на него с пьяноватым изумлением.

— Эксперименты? По-вашему, Гуайрэ любит экспериментировать? Нет, нет и еще раз нет! Для ученого человека вы чересчур не наблюдательны. Гуайрэ предпочитает все оставлять как есть. Любые перемены даются ей с трудом. Уверен, она для этого

и наделяет своих слуг и воинов привычной для себя внешностью.

— Но вы не... — начал было Олдвин и осекся.

Конан разразился громовым хохотом.

— Я не давал ей согласия подвергать меня чарам! Уж поверьте, меньше всего я намерен оставаться в этом оазисе. Нет, я как раз размышлял над тем, как бы нам выбраться отсюда...

Он допил вино и выбросил кувшин в окно.

— Зря вы отказались пить, дружище. С пьяным человеком лучше разговаривать на нетрезвую голову, иначе между нами не возникнет взаимопонимания...

Олдвин нервно стиснул пальцы и хрустнул ими.

— Меня не отпускает мысль о том, что мы обречены умереть в этом плена!

— Умереть или жить вечно, — добавил Конан, нарочно, чтобы посмотреть, как его приятель под прыгнет от ужаса.

Реакция Олдвина не обманула ожидания варвара.

— Как вы можете даже произносить такое! Неужели вам хочется быть погребенным в этих песках? Вас прельщает участь Эана? Два хранителя трясины — прекрасно! Будете пить под

землей, обмениваться впечатлениями о былом и ожидать, пока Гуайрэ навестит вас в своем истинном облике... Заодно и выясните, каков этот истинный облик. А меня от этих радостей избавьте.

— Слушайте, вы! — внезапно крикнул Конан. И голос, и лицо киммерийца изменились. Трудно было поверить в то, что терцию назад это был веселый и пьяный человек. Теперь он выглядел совершенно трезвым, с недобрым холодным взором синих глаз. —

Молчите и слушайте, что я вам скажу. Мне безразлично, каков истинный облик этой Гуайрэ. В обличье обольстительной женщины она хороша... но не достаточно хороша, чтобы я потерял голову. Вы меня понимаете?

Олдин настороженно кивнул.

— Отлично, — хмыкнул киммериец. — Продолжим. У Гуайрэ есть враги. Даже здесь, во дворце. Те, кто считает, будто отсюда нужно уходить. Распространить свое влияние на соседние города — а в идеале захватить весь мир, конечно. И мы никогда не узнаем, кто эти враги и как нам воспользоваться их активностью на благо себе... никогда, пока они считают меня — преданным возлюбленным Гуайрэ, а вас — моим преданным близким другом.

— К чему вы клоните? — спросил Олдин.

— К тому, что завтра мы с вами рассоримся. Сделаем это в саду, прилюдно. Так, чтобы как можно больше народу видело нашу ссору. Можем даже подраться. Вы как, в состоянии заехать мне в физиономию?

— Я несколько ниже вас ростом, — напомнил Олдин, — и слегка послабее.

— Ничего, я пригнусь и присяду, — обещал киммериец. — Вы должны меня обругать как-нибудь поужаснее и ударить по лицу. Я в ответ вас тоже стукну. Разобью вам нос. Это очень эффектно выглядит. Не вздумайте, кстати, на меня обидеться за это. Я заранее вас предупредил.

— Ну а дальше что? — Олдин предпочел не развивать тему своего разбитого носа.

— Дальше... Дальше я буду по-прежнему ходить к Гуайрэ, а вы, я полагаю, скоро сделаетесь большим другом здешних тайных противников существующей власти.

— Это называется оппозиция, — сказал Олдин. — Во всяком случае, в цивилизованном мире.

При слове «цивилизация» Конан поморщился.

— Одно хорошо в здешней пустыне, — заметил он, — никакой цивилизации в вашем понимании здесь не съешь.

— А интриги, подлости, тайные заговоры и прочие удовольствия? — возразил Олдин. — Это яркие признаки цивилизованности.

— Не согласен, — отрезал Конан. — Вы никогда не жили в Черных Королевствах. Вы даже представить себе не можете, какие жуткие интриги плетут те, кого вы назвали бы «головадыми дикарями»! Положим, в племени шаман и вождь не поладили... Как вы думаете, что начнется?

— Война? — пожал плечами Олдин.

— Начнутся интриги, — сказал Конан. — Ладно, хватит об этом. Завтра мы ссоримся. Далее вы сводите дружбу со здешней оппозицией. Общаться будем тайком. Я должен знать все, что они затевают. Вам ясно?

— Мне ясно все, кроме одного, самого главного: как мы выберемся отсюда? — сказал Олдин.

— Через пару дней будет ясно, — сказал Конан.

Место для спектакля выбрал киммериец, и Олдвину ничего не оставалось, как только одобрить его выбор — и даже похвалить его вкус. В самом деле, в определенном артистизме Конану не откажешь. Участок сада, где должна была произойти его показная «ссора» с Олдвином, представлял собой нечто вроде сцены: открытая площадка, обрамленная густыми кустами, точно кулисами, причем цветы на этих кустах были ярко-красными.

— Отличный обзор со всех сторон, — говорил Конан, откровенно гордясь своей изобретательностью. — А эти красные цветы возбуждают страсти и способствуют лучшему усвоению резких сцен.

— Откуда вам это известно? — прищурился Олдвин.

— Красный цвет вообще есть цвет страсти и жизни, — ответил Конан. — Когда я пущу юшку вам из носа, вы не сможете со мной не согласиться.

Олдвин не ответил.

Конан насмешливо хмыкнул.

— Как я вижу, вас напрягают мои рассуждения на эти темы?

— Да, — сказал Олдвин угрюмо. — В конце концов, речь идет о моем носе!

— Я знал множество людей с переломанными носами — и большинство из них ухитрились познать счастье, пусть даже и с таким дефектом, как свернутый на сторону... — начал было Конан, но Олдвин взревел:

— Довольно!

— Хорошо, хорошо. — Киммериец пожал плечами. — Надеюсь, за нами уже наблюдают. Вы уверены, что не хотели бы остаться здесь на всю жизнь?

— Проклятье, а вы разве в этом не уверены?

— В чем? — Конан огляделся по сторонам, махнул рукой в сторону дворца, видневшегося поблизости. — Это лучшее место на земле, дорогой мой. Я никогда еще не был так счастлив, как здесь.

— Счастлив? — переспросил Олдвин, не веря собственным ушам. — Вы говорите о счастье, вы, неотесанный варвар?

— Разумеется. По-вашему, способность испытывать счастье доступна только академикам? Мне жаль разочаровывать вас, дружище, но вы заблуждаетесь. Напротив, ваши иссущенные сердца не в состоянии понять, что такое страсть к женщине.

— Счастье, с вашей точки зрения, — это удовлетворенная похоть, — с презрением бросил Олдвин. — Что ж, нечто подобное я и ожидал услышать.

— Что ж, — передразнил его Конан, — как всякий мужчина, бессильный в отношениях с женщиной, вы не в силах осознать...

— Я? — не своим голосом взвизгнул Олдвин. — Как вы меня назвали?

— Бессильным, — ответил Конан.

— Сперва ваш пятиглазый дружок именует меня «невинным», теперь вы... Вы, жалкое животное!

— Почему же сразу «жалкое»? — Красуясь, киммериец развернулся плечи. — По-моему, не такое уж жалкое!

И тут Олдвин, весь трясясь от злости, подскочил и изо всех сил ударил Конана кулаком в челюсть. Удар вышел неловкий, хотя и довольно сильный. Конан присмотрелся к кипящему в негодовании приятелю, тщательно выискивая способ не покалечить его ответным ударом, и наконец осторожно тюкнул кулаком бритунца в кончик носа.

Олдвин заорал нечеловеческим голосом и покатился по земле. Из его носа хлынула кровь. Заливаясь слезами, Олдвин рыдал и поносил киммерийца последними словами. Конан громко расхохотался и зашагал прочь, оставив Олдвина плакать, утирать кровь и недоумевать: что все-

таки произошло? Неужто вся этассора была разыграна понарошку? Но как тогда понимать кровь и боль, не говоря уж об унижении? Нет, что ни говори, а киммериец был и остается варваром. Несмотря на все ученые словечки, которые Конан вворачивает иногда в разговоры, дикарскую природу не переделаешь.

Неужели сегодня вечером или завтра, или вообще когда-либо они будут опять разговаривать как ни в чем не бывало? Олдину не верилось в возможность такого. Но если только Конан действительно притворялся... если только он притворялся, тогда все разговоры о том, что среди дикарей невозможны заговоры и интриги, действительно пустой звук. В таком случае Олдин готов признать: по части заговоров и интриг варвары дадут сто очков вперед самому изощренному аквилонскому придворному.

— Вы сильно страдаете? — прозвучал поблизости чей-то участливый голос.

Олдин поднял голову и торопливо обтер лицо рукавом.

— Проклятый дикарь разбил мне лицо, — отозвался он, изо всех сил стараясь говорить спокойно и с достоинством. — Полагаю, компресс с холодной водой исправит дело, и дня через два от этого коварного нападения не останется и следа.

Рядом с Олдином уселся на корточки шадизарский дервиш. Точнее, тот, кто выдавал себя за дервиша, — Заграт.

— Что ж, этого следовало ожидать, — хладнокровно произнес он, рассматривая распухший нос своего собеседника. — Меня удивляет только одно: почему это не случилось раньше. Впрочем, у Гуайрэ всегда был дурной вкус, а сейчас он окончательно испортился. Что поделаешь, она ведь демон. Нельзя требовать от существа, вроде нее, каких-то особых чудес.

— Чудес? — переспросил Олдин. — Вы меня удивляете! Мне всегда казалось, что как раз от демонов и прочих нечеловеческих созданий и следует ожидать чудес...

— Не в том смысле, какой вы вкладываете в это понятие, — сказал Заграт. Он удивлял Олдина все больше и больше: правильностью речи, способом изъясняться Заграт не походил ни на шадизарского нищего, ни на бродячего фокусника, ни на воина из

свиты песчаной королевы. Скорее, он напоминал Олдину царедворца, опытного и искушенного политического деятеля.

— А в каком, простите, смысле? — спросил Олдин. Сейчас он благословлял восточное обыкновение подолгу беседовать о разных отвлеченных предметах и ходить вокруг да около по несколько колоколов, прежде чем перейти к главному предмету разговора. Олдину требовалось время, чтобы осознать все происходящее и свыкнуться с ним.

Настоящее чудо — это когда человек из негодяя превращается в добряка, — пояснил Заграт. — Пару раз я наблюдал такое... Зрешице отвратительное! Зрители проливают слезы и сопли. — Его и впрямь передернуло. — Другое чудо, которое мне куда больше по душе, — превращение маленького слабого государства в большое и могущественное. Некоторые полководцы и короли в состоянии совершить это, и я не боюсь признаться в том, что завидую им... Вот где истинное чудо! А демон способен лишь уничтожать, коверкать, мучить и искажать. Внешне это довольно эффектно выглядит — для неискушенного наблюдателя и только на первый взгляд. Но в конце концов приедается. Вы потом поймете, что я имею в виду.

— Мне кажется, я уже вас понимаю, — возразил Олдин.

— Ничего, потом поймете еще лучше, — заверил его Заграт. — Убедиться во всем на собственной шкуре — самый действенный способ.

— Я уже кое в чем убедился — и как раз на собственной шкуре, — Олдин коснулся своего разбитого носа. — Мне не хотелось бы повторять опыт.

Заграт искоса глянул на него и слегка улыбнулся.

— Сперва ваш громила-приятель показался нам вполне подходящим кандидатом, —

заговорил он вполголоса. — На ранней стадии отношений Гуайрэ обычно очень увлекается новым любовником. Она даже не предлагает ему изменить внешность. Ее как будто устраивает в нем все, лишь бы мужчина был хорош в постели. Но рано или поздно она начинает скучать, его ласки становятся, с ее точки зрения, однообразными. И тогда она прибегает к заклятию преображения.

— Я слыхал, что для того, чтобы такое заклятие сработало, требуется согласие, — осторожно заметил Олдин.

Заграт пожал плечами.

— До вас уже доходили эти истории! Что ж, здесь ими сам воздух пропитан. Куда ни глянь — везде Гуайрэ с ее причудами! Только Гуайрэ! Она одна! А ведь ее могущество не так уж велико... И все же она делает с нами все, что захочет. Согласие требуется, говорите? А вот представьте себе, что вас взяла в постель красивая женщина, что она отдавалась вам, что она вас ласкала, шептала вам нежности... и вдруг полностью к вам охладела. А вы вожделеете все сильнее, и ничего не можете с этим поделать!

— Мне вообще непонятен термин «вожделение», — гордо объявил Олдин.

Но смутиль Заграта ему не удалось.

— Ерунда! — пренебрежительно отмахнулся дервиш. — Если бы Гуайрэ захотела, вы бы засохли с тоски по ее объятиям, и даже не успели бы подобрать для описания вашего состояния никаких ученых терминов. Просто сдохли бы у ее порога, ясно вам? И это вас еще ожидает, дайте только срок.

Олдин деланно рассмеялся, но Заграт пропустил его протест мимо ушей и продолжил объяснение:

— И вот вы узнаете способ удержать любовь Гуайрэ. Заклинание преображения! Конечно, вы дадите согласие. И еще зим десять она будет вашей. Но потом неизбежно расставание. Вот так обстоят дела.

— Насколько я понимаю, Конан находится на первом этапе своих отношений с Гуайрэ, — заметил Олдин.

— Да. И мы очень надеялись на его сотрудничество.

— Нет, он вполне доволен своей долей, — сказал Олдин.

И потрогал разбитый нос.

— Крайне неприятный человек, — вздохнул Заграт. — Возможно, придется устраниТЬ его.

— Что ж, — Олдин осторожно избавился от комка крови, застрявшего в ноздре, — буду только рад. Но объясните мне одну вещь. Почему вы так стремитесь разрушить королевство Гуайрэ?

— Разрушить? — Заграт весь затрясся от беззвучного смеха. — Кто здесь говорит о разрушении? Только не я! Гуайрэ застыла на месте, как я и говорил, и вместе с ней застыло ее призрачное пустынное королевство. Но зим двадцать назад начались некие процессы, над которыми не властна даже Гуайрэ. Я говорю об изменениях здешней почвы. Зыбучие пески распространяются все шире. Они скоро захватят наш оазис. Недавно мы видели, как по стене дворца прошла трещина. Если мы ничего не предпримем, наш мир попросту рухнет и погребет нас под собой.

В первые дни вашего появления мы рассчитывали на то, что Конан в состоянии будет понять грозящую нам опасность. Но этот варвар, похоже, слишком увлечен своей ролью постельной забавы великой демоницы...

— Точно, — кивнул Олдин.

— Нужно устраниТЬ его, — жестко сказал Заграт. — Как только это произойдет, Гуайрэ захочет свежего мяса и отправит нас на поиски... У нас все подготовлено. Мы намерены

захватить город Замбулу.

— Но это большой город! — удивился Олдин.

Все уже просчитано, — улыбнулся Заграт. — Я не раз бывал там и все разведал. У нас вполне хватит сил. Когда Замбула будет нашей, мы сможем основать собственное государство. Гуайрэ больше не будет там правительницей, она превратится в то, чем и должна была бы быть: в демона на службе у истинного короля.

— А истинным королем будете, конечно же, вы, — догадался Олдин.

— Возможно, — не стал отрицать Заграт. — Предлагались, правда, и другие кандидатуры, но я — наиболее предпочтительный правитель из всех. У меня большой опыт и, кроме того, я хорошо знаю Замбулу. Многие из нас ведь столетиями не покидали оазиса — откуда им знать, как надлежит управлять обычными людьми!

— Понятно, — пробормотал Олдин. — Что ж, я с вами. Мне совсем не улыбается провести здесь остаток дней своих. Лучше уж Замбула!

— Отлично. В таком случае... Ждите известий и будьте наготове.

Заграт поднялся на ноги, еще раз улыбнулся своему предполагаемому союзнику и зашагал прочь. Скоро он скрылся между кустами.

Олдин остался в одиночестве. Голова у него шла кругом. Он вдруг осознал, что никак не может до конца сообразить: что из происходящего было правдой, а что — ложью. Оба его собеседника выглядели вполне убедительными, особенно Конан.

Олдин напряг все свои душевые и умственные силы и вспомнил свой разговор с Конаном, состоявшийся накануне. «Мы должны поссориться, и тогда мятежники сразу попытаются заключить с вами союз, — сказал ему варвар. — Выслушайте их внимательно, потом передадите мне». Да, нечто в таком роде Конан говорил ему вчера.

Тогда киммериец не лгал. Он лгал сегодня, когда издевался над Олдином и вынудил его к драке. Безобразная, нелепая, а главное — бесславная драка! Олдин снова бережно ощупал разбитый нос. Неужели так уж необходимо было обходиться с другом столь жестоко? Варвар, одно слово — варвар.

Но ведь вышло все именно так, как и предсказывал этот самый варвар! Почти мгновенно после драки рядом с бритунцем возник Заграт и посвятил Олдина в некоторые детали заговора.

Но Заграт... Шадизарский дервиш уже доказал, что является исключительно хитрым и коварным человеком. Олдин никогда прежде не встречал более двуличного существа, способного мгновенно превращаться из нищего в почтенного посетителя общественной бани, из воина в царедворца, из полуобразованного фокусника в рассудительного ученого.

А что, если Заграт тоже разыгрывает Олдина? Что, если шадизарский дервиш притворялся «заговорщиком», желая попросту погубить Олдина?

Но зачем ему губить бритунца? Еще одна загадка. Нет, все проще. Все обстоит именно так, как и предрекал Конан.

«Даже если киммериец ошибся, — подумал Олдин, — я не должен сомневаться. Если я попытаюсь следовать сразу десятку разноречивых версий, я попросту сойду с ума».

* * *

Однако поделиться всеми своими мыслями и наблюдениями с Конаном Олдин не успел. Сразу после полудня во дворце разразился страшный скандал. Это произошло перед обедом. Из покоя Гуайрэ, где ее величество отдыхала, предаваясь неге на прохладных шелковых простынях, донесся вдруг страшный крик.

Конан прибежал на зов королевы одним из первых. Воины и слуги, гремя оружием, бросились спасать свою повелительницу.

Дверь ее покоев была заперта. Крик рвался из-за двери, как животное, попавшее в ловушку и жаждавшее выскочить на свободу.

— Двое стражей принялись алебардами рубить дверь, но она не поддавалась.

— Спасите! — кричала Гуайрэ душераздирающим голосом. — Спасите меня! Воины, если вы меня любите, — спасите меня! Я отдаамся первому, кто вбежит в покой! Ай! Я боюсь, мне страшно! На помощь!

— Нужно выбить дверь, — сказал Конан.

Он огляделся по сторонам в поисках чего-либо, что могло бы послужить тараном, и вдруг заметил небольшую витую колонну. Эта колонна ничего не поддерживала и представляла собой нечто вроде статуи. Ее остов был инкрустирован мозаикой.

Конан схватил эту колонну и с силой ударил ее основанием о дверь. Створки распахнулись, одна с треском слетела с петель, и перед воинами предстала Гуайрэ, почти совершенно обнаженная. Огромная змея обматывала ее с головы до ног тугими кольцами. Плоская голова змеи с желтыми и черными пятнами красовалась как раз над макушкой Гуайрэ, так что можно было подумать, будто у Гуайрэ две головы место одной.

— Спасите, — прохрипела королева.

Конан гигантским прыжком пересек комнату, преодолевая расстояние, отделявшее его от Гуайрэ. Киммериец взмахнул мечом и одним мощным быстрым ударом снес змее голову.

Змеиное туловоище, сжимавшее Гуайрэ, не сразу ослабило хватку. Напротив, в агонии змея стиснула свою жертву еще сильнее — и только потом кольца бессильно рухнули к босым ногам Гуайрэ.

Королева сделала шаг вперед и упала в объятия киммерийца.

Он обнял ее и уложил на постель, а затем обвел глазами прочих воинов.

— Ее величество обещала мне себя в награду за спасение! — громко крикнул он.

— Да ты и так ее имеешь! — насмешливым тоном произнес Заграт.

Он вошел в комнату широким шагом и по-хозяйски огляделся вокруг.

— Как же вышло, что сюда заползла змея? — продолжал Заграт. Его голос все возвышался. — Как получилось, что эта тварь, эта убийца проникла в покой к нашей госпоже?

— Смотрите! — донесся возглас одного из воинов.

Обезглавленная змея медленно зашевелилась. Кончик ее хвоста забил по полу, а из обрубка начала прорастать новая голова. Скоро перед изумленными зрителями явилась совершенно целая змея, разозленная и полная желания убивать.

Гуайрэ всхлипывала, сидя на кровати. Она обхватила руками колени и прижалась к ним подбородком. Ее плечи дрожали. Сейчас невозможно было поверить в то, что эта испуганная юная девушка — могущественная демоница, королева песчаного государства, повелительница нескольких сотен заколдованных воинов.

Она выглядела такой беспомощной, такой трогательной!

Одежда на ней была порвана, так что мужчины, столпившиеся в ее покоях, могли свободно обозревать все ее прелести, и от этого кровь сильнее закипала в их жилах.

Конан заметил, что сегодня покой Гуайрэ не производили впечатления бесконечных. Они вообще каждый день выглядели немного по-другому, но сегодня это обстоятельство усиливалось еще и тем разгромом, которое учинила здесь змея.

Изящные маленькие табуреты, тонконогие столики, кувшинчики с благовониями, ларцы с драгоценностями, шелковые и атласные драпировки — все это было переломано, разбросано повсюду, разметано с яростью поистине дьявольской. Глядя на осколки инкрустаций и обломки

роскошных ваз, легко представить себе, как змея била здесь своим мощным хвостом.

И вот сейчас она вновь начала оживать. Медленно развернула она свои кольца и поползла по полу вперед. Ее плоская голова чуть двигалась вправо-влево, а крохотные ярко-красные глазки зорко высматривали следующую жертву.

Гуайрэ, полуоткрыв рот, как удивленная девочка, следила за змеей. Она выглядела завороженной. Все тело молодой женщины покрывали страшные синяки, оставленные гадиной.

Внезапно змея резко рванулась вперед. Ее бросок был таким неожиданным и мощным, что никто не успел отреагировать.

Один из молодых воинов закричал, когда змея мгновенно обвила его кольцами и сильно сдавила. Послышался хруст костей, и голова воина бессильно обвисла. Он был мертв.

Однако змея не стала пожирать его. Она равнодушно отпустила свою добычу, позволив мертвому рухнуть на пол, и поползла дальше.

Конану показалось, что гадина выискивает кого-то определенного. Ее крохотные глазки горели злобным умом, и варвару вдруг подумалось о том, что страшно было бы проникнуть в мысли, таящиеся в костистой голове этого существа.

В киммерийце проснулся дикарь, полный инстинктивного отвращения ко всему сверхъестественному. Он взял поудобнее меч и приготовился атаковать чудовище.

Но змея метила не в Конана. Она вновь остановилась, но лишь на миг. А затем — новый молниеносный бросок, и еще одна жертва, на сей раз белокурый юноша, слуга королевы, пронзительно кричит, обвитая смертоносными пестрыми кольцами.

Этот несчастный умер не сразу. Змея как будто нарочно решила продлить его агонию. Она сжимала то одно кольцо, то другое, ломая кости попеременно, и крик умирающего человека звучал снова и снова.

Конан размахнулся мечом и, изловчившись, опять снес гадине голову. Но теперь он уже знал, что таким способом убить ее невозможно.

Пока изувеченный слуга королевы бился на полу в последней агонии, змея уже начала отращивать себе новую голову. На сей раз все происходило еще быстрее.

Конан стоял позади змеи с мечом наготове. Он знал, что ни одна змея, особенно такая большая и толстая, как эта, не способна к стремительному броску назад. Вся сила змей — в движении вперед. А для того, чтобы развернуться, гадине потребуется время.

Конан размахнулся мечом, намереваясь пригвоздить змею к земле. Пытаясь освободиться, змея рванется вперед, и лезвие рассечет ее туловище вдоль, — возможно, это положит предел существованию отвратительной твари.

Но киммериец не успел исполнить свое намерение. Перед самым носом змеи появился шадизарский дервиш. Вскинув руки, Заграт начал выкрикивать какие-то странные слова, и из его ладоней вдруг выплыли острые шипы. Конан, внимательно наблюдавший за всем, что происходило вокруг, мог бы поклясться, что до сих пор у Заграта в руках не было никакого оружия.

Эти шипы длиной в два, а иные и в три пальца, пролетели навстречу змее, оставляя в полутемном воздухе королевских апартаментов светящийся след. Один за другим они вонзились в длинное, свернутое кольцами тело.

Затем шипы загорелись. Змея вся занялась пламенем. В огне видно было, как она корчится, как обугливается ее мясо — и наконец от смертоносной гадины осталась лишь кучка пепла.

Заграт наступил на этот пепел ногой и приблизился к Гуайрэ.

Королева устремила на него долгий взгляд своих прекрасных голубых глаз.

Заграт опустился на колени возле ее ложа.

— Вам не о чем больше беспокоиться, повелительница, — тихим голосом произнес он и

поцеловал ее босую ступню.

Гуайрэ глубоко вздохнула, как будто просыпаясь после долгого тяжелого сна. Она подняла голову и обвела глазами всех своих слуг и воинов, столпившихся возле ее кровати. Конан подошел последним и остановился чуть в стороне.

Двое из вас отдали за меня жизнь, — произнесла королева.

Нагота ничуть не стесняла ее, она держалась так, словно была облачена в мантию, отороченную горностаями.

— Мы все готовы умереть за ваше величество, — подал голос один из воинов.

Заграт покосился в его сторону и заговорил:

— Нам надлежит сперва понять, как это вышло, что в покоях нашей королевы прорвалось столь омерзительное и жуткое чудовище!

— Что ты хочешь сказать? — удивился Конан.

Заграт удостоил его долгим, многозначительным взглядом и изрек:

— Все, что я хочу сказать, я скажу, можешь не сомневаться! Ты — возлюбленный ее величества, ты имеешь доступ в ее покой в каждый миг, когда тебе заблагорассудится.

— Точнее, когда ее величество меня позовет, — возразил Конан.

Заграт демонстративно расхохотался.

— Не смеши меня! Ты можешь объявить о том, что она позвала тебя, и войти к ней, минуя стражу. Тебя никто не остановит, потому что никто не усомнится в правдивости твоих слов.

— Я полагал, — медленно произнес Конан, — что любой из вас может это сделать. Разве здесь есть хотя бы один враг ее величества?

Гуайрэ смотрела на собравшихся возле ее кровати мужчин широко раскрытыми наивными глазами. Ее губы дрожали. Казалось немыслимым, чтобы кто-то хотел ее уничтожить.

И тем не менее это случилось!

Заграт наступал на киммерийца:

— Возможно, тебе не слишком нравится жизнь в нашем маленьком королевстве?

— Я этого не говорил, — невозмутимо отозвался Конан.

— Не говорил! — Голос Заграта гремел, разносясь, кажется, по всему дворцу. — Естественно, ты не стал бы произносить вслух такое святотатство! Но кто знает, какие мысли прячутся в твоей голове? Ты ведь скрытен, киммериец, а недавно поссорился со своим спутником, с бритунцем, который только о том и мечтает, чтобы провести остаток дней своих в прекрасных садах ее величества!

— Возможно, мы поссорились по другой причине, — сказал Конан.

— Я знаю, из-за чего возникла ваша ссора! — резко выкрикнул Заграт.

Гуайрэ как завороженная следила за ним, за размашистыми жестами его рук, за высокомерной манерой вскидывать голову.

— Я рад, что тебе известно так много, — сказал Конан. Спокойствие киммерийца странно контрастировало с обстановкой комнаты, где все говорило о недавней жестокой борьбе и жертвах, с нервным напряжением, которое возрастало после каждого слова Заграта.

— Ты хочешь удрать отсюда, киммериец! — продолжал Заграт. — Вот твое самое заветное желание! Ты притворяешься безумно влюбленным в нашу королеву, ты делаешь вид, будто готов удовлетворить любую ее прихоть, но где же доказательства твоей преданности? Почему ты до сих пор не попросил ее о той милости, которой удостоены мы все? Почему ты все еще сохраняешь свою прежнюю внешность? Для чего ты верен своей глупой человеческой природе? Не для того ли, чтобы не зависеть от нее ни в чем?

Заграт широко развел руками и обернулся к остальным.

— Судите сами, разве этот человек не предатель? Он не такой, как мы, он не хочет быть

таким, как мы, он гнушается нас! Его любовь к Гуайрэ — ложь!

— Нет, этого не может быть! — воскликнула Гуайрэ и заплакала. — Конан, скажи им, что это неправда!

— Это неправда, — сказал Конан.

— Я требую судебного поединка! — воскликнул Заграт. — Пусть оружие рассудит нас. Пусть высшая справедливость скажет свое слово.

— Согласен, — проговорил Конан, неприятно улыбаясь. — Мне давно хотелось посмотреть, что у тебя внутри, Заграт. Какая мерзкая жаба сидит в твоей груди вместо сердца!

— Не забывайся, варвар! — в ужасе закричал Заграт. — Ты находишься в присутствии королевы!

Конан покосился на Гуайрэ: та сидела с полуоткрытым ртом и умоляюще смотрела на него. И хоть киммериец и знал, что все это — игра, что Гуайрэ на самом деле демоница, и истинный облик ее совсем другой, все же... все же киммерийцу очень захотелось, чтобы в этой видимости заключалась хотя бы частичка правды.

* * *

Неожиданно Гуайрэ встала. По ее нагому телу прошла дрожь, и в тот же миг она преобразилась. Не стало больше испуганной нежной девушки, какой королева выглядела мгновение назад. Теперь это была воительница облаченная в длинную, с головы до ног, кольчугу. Конан никогда не видел таких кольчуг: она была сплетена из мириадов тончайших колец и облегала тело как изысканная ткань. Длинные золотые волосы Гуайрэ разметались по плечам, босые ноги едва были видны из-под подола. В ее руках засверкал тонкий длинный меч, похожий на ритуальный, е извилистым клинком.

Она подняла этот меч над головой и громко произнесла:

— Да свершится правосудие — да победит тот, кто прав, да падет тот, кто виновен! Клянусь не останавливать поединка и не даровать жизнь побежденному!

Кровать под ее ногами качнулась, как доска, брошенная на воду. От ступней Гуайрэ разбежались золотые волны незримой энергии. Они расходились все шире, захватывая все большее пространства, и там, где проходило золотистое свечение, все изменялось. Исчезли и тела погибших, и грязь, оставшаяся от сгоревшей змеи, и обломки мебели, и осколки посуды. Исчезло все. Комната расширилась и озарилась ярким, скучным светом, источник которого остался непонятным.

Этот свет проникал повсюду — но нигде не обнаруживалось ни единой подробности, ради которой стоило бы смотреть: голые ровные стены серого цвета, ровный каменный пол... и больше ничего. Ни мебели, ни украшений, ни драпировок...

Гуайрэ хлопнула в ладоши, и вместо одного меча с пламенеющим клинком в ее руках оказалось целых два, совершенно одинаковых. Она бросила их спорщикам.

Остальные воины столпились возле своей повелительницы, готовы следить за поединком. Среди них Конан краем глазаглядел и своего бритунского друга. Олдвина наконец пришел, чтобы выяснить, что все-таки происходит.

Конан сильно подозревал, что Олдвин попросту испугался, заслышиав громкие крики и шум борьбы, и поначалу трусил и прятался. Но затем любопытство все-таки взяло верх.

Что ж, ему будет, на что посмотреть и что описать в своих заметках!

Конан поднял меч и шагнул навстречу врагу. Киммериец не сразу понял, что произошло. Там, где мгновение назад стоял шадизарский дервиш, уже никого не оказалось. Конан резко

развернулся — и вовремя! Заграт обнаружился у него за спиной. Конан успел отбить выпад, нацеленный ему в спину.

Заграт ухмыльнулся.

— А ты быстр, киммериец! — сказал он. — Но не настолько быстр, чтобы это спасло тебе жизнь!

И вновь исчез. Конан крутанулсь на пятке, держа меч так, чтобы противник — где бы тот ни находился — не смог бы его поразить. Зазвенела сталь: Заграт обнаружился слева от варвара.

Конан отскочил в сторону. Он еще не понял, как можно одолеть дервиша, но не сомневался в том, что способ найдется. Любое живое существо можно лишить жизни. Киммериец никогда не забывал об этом правиле.

— Конан, сзади! — выкрикнул Олдин.

Один из воинов тотчас наградил бритунца сильным ударом кулака по голове. Олдин пошатнулся и едва не упал.

— Это судебный поединок, — сурово сказал ему воин. — Ты не имеешь никакого права вмешиваться. Это запрещено законом.

Олдин прикусил язык. Он только что сообразил, что выдал себя. Им же надлежало изображать врагов, ему и Конану! Бритунец мысленно обругал себя последними словами и поклялся впредь не произносить ни звука.

Между тем Конан метнулся навстречу своему врагу. Несмотря на крупное сложение, киммериец двигался легко и стремительно, а в грации не уступал дикой кошке. Он промахнулся совсем ненамного: еще чуть-чуть — и Заграт лежал бы с раздробленным черепом.

Дервиш пронзительно заверещал.

— Кром! — взревел Конан. — Я разорву тебя в клочья!

Он снова бешено атаковал. Теперь киммериец знал, как ему одолеть Заграта. Нельзя давать тому ни мгновения передышки. Каждую паузу, даже самую краткую, Заграт использует для того, чтобы переместиться на новое место, стремительным, неуловимым для глаза движением, и нанести противнику удар со спины.

Поэтому киммериец все время удерживал Заграта на одном месте. Вынужденный постоянно отбиваться, Заграт потерял свое главное преимущество. Он еще надеялся на то, что его соперник может выдохнуться, устать и потерять дыхание, но — напрасные мечты! — Конан даже не вспотел.

— Ты сгниешь здесь! — прошипел дервиш.

Вместо ответа Конан размахнулся и нанес ему удар в плечо. На сей раз киммериец попал в цель. Кровь хлынула из раны, но лицо дервиша осталось невозмутимым. Конан чуть приподнял бровь, не в силах скрыть удивление, и дервиш тотчас радостно осклабился в ответ.

— Не старайся, — захохотал он, странно дергаясь всем телом, — я не чувствую боли.

Конан вспомнил, как на площади в Шадизаре Заграт вбивал в свое тело острые гвозди и даже не морщился. Правда, тогда и крови не было, так что, возможно, гвозди представляли собой всего-навсего иллюзию... Но теперешняя рана была настоящей. И Заграт даже не покривился.

Он перебросил меч в другую руку и сам напал на Конана. Конан отбил несколько ударов, затем присел, и меч Заграта просвистел у него над головой. Сидя на корточках, Конан быстро переместил вес своего тела на левую пятку и выбросил вперед руку с оружием. На сей раз он поразил противника в бок. Кровь потекла на пол, и Заграт начал оставлять красные следы на каменных плитах, но... опять он ничего не почувствовал.

Конан выпрямился и отбил атаку дервиша. Тот слабел, но все еще оставался опасным противником.

— Мы все умрем здесь, — хрипел дервиш. — Ты, и я, и все воины и слуги... Мы обречены умереть здесь! Ты этого хочешь?

— Нет, — тихо ответил Конан и посмотрел ему в глаза.

Зрачки Заграта прыгали, а затем, поймав пристальный взгляд Конана, застыли и медленно расширились. И там, на самом дне его глаз, Конан прочитал боль, страх и отчаяние.

— Я не хочу, чтобы мы остались здесь навеки, — прошептал Заграт, едва шевеля губами, но Конан отлично разбирал каждое слово. — Твой друг нас поддерживает... А ты — ты... презренный наложник! Ты никогда этого не допустишь?

— Ты ошибся, — сказал Конан. — Я хочу уйти отсюда. Как и ты.

Заграт отшатнулся. Конан видел, что противник не поверил ему. Возможно, Заграт просто боялся поверить.

— Убей его! — закричала королева, видя, что Заграт, обессилев, упал на колени. — Почему ты медлишь? Убей!

Заграт поднял голову и странно посмотрел на Конана. Киммериец опустил меч.

— Ты должен убить его! — верещала Гуайрэ. Ее голос звучал все выше и выше, он как будто ввинчивался в мозг. — Убей! Убей! Он хотел моей смерти! Он хотел уничтожить меня! Меня и мое королевство!

— Я не стану его убивать, — медленно проговорил Конан громким, звучным голосом. — Я знаю, для чего тебе это нужно. Ты не доверяла ему и подстроила наш поединок. Ты нарочно сделала так, чтобы мы схватились в битве. Ты ведь знала, что я одолею, не так ли? Ты заранее знала это, потому что я сильнее, я лучше, а главное — я, в отличие от Заграта, остался самим собой.

Ответом ему было оглушительное шипение, постепенно переходившее в невыносимый для человеческого слуха свист.

Волны золотого света опять побежали, расходясь от ног королевы, но теперь они были не плавными, как в первый раз, а дергаными и рваными. Они как будто содрогались и спешили домчаться до какой-то одним им ведомой цели — но, не добравшись до нее, исчезали.

Тело Гуайрэ тряслось, как в лихорадке, она мотала головой и вскидывала, ломая в воздухе, руки, словно пыталась взлететь. Кольчуга сделалась более узкой и облепила ее тело, а затем прямо на глазах у пораженного киммерийца превратилась в хитиновый покров. Руки и ноги королевы удлинились, обрели дополнительные суставы и согнулись, а лицо, прежде такое женственное и привлекательное, обернулось мордой жуткой твари, похожей на гигантскую саранчу.

Сучьими ногами, она двинулась вперед. Ее задние лапы терлись друг о друга, издавая пронзительный скрежет.

Гуайрэ разинула пасть, явив острые зубы, растущие в три ряда. «Так вот каков ее истинный облик! — подумал Конан, невольно вздрогивая. — И это существо спускается под землю к человеку, которого погубило, и принуждает того заниматься с нею любовью! Не слишком ли дорого платит Эан за ошибку, которую совершил в молодости?»

Один щелчок могучих челюстей — и голова Заграта покатилась по полу.

— Ты ответишь мне за все! — кричало, верещало, свирепство чудовище, обращаясь к Конану.

Киммерийцу казалось, что с ним разговаривает сразу несколько существ, причем говорили они хором:

— Ты заплатишь! Ты заплатишь, киммериец! Ты вынудил меня предстать перед моими людьми в истинном облике! Теперь мне придется начинать сначала... Все сначала!

Она подняла передние лапы с острыми когтями и накинулась на киммерийца.

Конан отступил и вдруг споткнулся об обезглавленное тело Заграта. Он едва не потерял равновесие. Лапа Гуайрэ просвистела возле самого виска киммерийца. Лишь в последнее мгновение Конану удалось избежать смертельного удара.

Неожиданно один из воинов бросился Конану наперерез:

— Я не позволю тебе причинить ей вред!

Не останавливаясь ни на мгновение, Гуайрэ разорвала своего заступника на части. Окровавленные ошметки его тела разлетелись по залу.

— Все заново! Все заново! — шипела она, неудержимо надвигаясь на киммерийца.

Конан отскочил в сторону и перекатился по полу, уходя от яростного удара задних ног гигантского насекомого. Раздался громкий скрежещущий звук. В мгновение ока Гуайрэ развернулась лицом к своему стремительному врагу. Ее фасеточные глаза пристально следили за ним.

Конан нанес выпад снизу вверх, целя прямо в выпуклый глаз насекомого. Гуайрэ поднялась во весь рост. Ее голова едва не касалась потолка. Передние ноги наносили беспорядочные удары во все стороны, норовя сокрушить все на своем пути. От непрестанного свистящего крика закладывало уши, и неожиданно у нескольких белокурых слуг королевы кровь хлынула из глаз и ушей. Корчась, они повалились на пол. В агонии они хватались друг за друга, сплетаясь в предсмертном объятии, и их ногти рвали кожу соседей, выдирали им волосы, пытались выдавить глаза. Кровавый ком человеческих тел катился по полу.

— Все заново! Заново! — кричала Гуайрэ. На мгновение она, казалось, позабыла о своем главном враге, и Конан не преминул воспользоваться этим. Он вскочил на ноги и подбежал к чудовищу, держа меч обеими руками.

Гуайрэ заметила его в последний миг. Она наклонилась, широко раскрывая пасть с явным намерением перекусить дерзкого человека пополам, и Конан, стремительный, как атакующая змея, вонзил острие меча прямо в выпуклый глаз.

Ему показалось, что он протыкает тяжелый ком слипшейся глины, таким тугим и упругим оказался этот яростный глаз. Невыносимый для слуха скрежет разнесся по всему залу. Гуайрэ дернулась, вырвав меч из рук своего врага, и изогнулась назад, так, что ее голова с торчащим из глаза клинком дотронулась затылком до пола. Когтистые лапы замелькали в воздухе с невероятной быстротой. Скрип задних ног — ног кузнецика — наполнил, казалось, всю вселенную.

Потолок и стены комнаты задрожали и начали рушиться.

Конан бросился бежать к выходу. На бегу он перепрыгивал тела погибших, не задерживаясь ни на мгновение, чтобы посмотреть — нет ли, случайно, еще живых. Крики Гуайрэ о том, что ей придется все начинать сначала, не оставляли никаких сомнений: она вознамерилась уничтожить все свои creation для того, чтобы отыскать и породить новых, никогда не видевших ее истинного облика.

Она не позволит никому из своих белокурых слуг и черноволосых воинов выжить, чтобы рассказать остальным о том, кем на самом деле является то существо, которому они служат.

В задней части комнаты просел и обвалился потолок. С оглушительным грохотом посыпался град камней. Выживет ли сама Гуайрэ или же клинок киммерийца не только поразил ее глаз, но и проник до самого ее мозга? Что означает это землетрясение? Наблюдают они сейчас предсмертную агонию чудовища или же это только последствия его бешеной ярости?

Конан надеялся, что Гуайрэ все-таки уничтожена. Было бы слишком опасно оставлять подобную тварь в живых. И если окажется, что она каким-то образом выжила, — киммерийцу придется вернуться сюда и закончить начатое.

Он вихрем вылетел из помещения как раз в тот момент, когда обрушилась первая

потолочная балка, и за спиной у киммерийца поднялся настоящий камнепад, какой бывает в горах, когда талые воды размывают скальную породу.

— Олдин! — громовым голосом закричал киммериец. — Олдин, вы где?

— Я здесь! — донесся знакомый голос бритунца.

Конан обернулся и увидел своего спутника, испачканного пылью, с потными волосами и перепуганного насмерть.

— Бежим! — крикнул Конан, хватая его за руку. — Скорей!

Впереди упал огромный обломок. Конан шарахнулся назад и увидел, что отступать некуда — сзади тоже громоздился завал. Под этими камнями были погребены все слуги Гуайрэ, что собрались в зале. Несколько человек, наверное, оставались еще в саду или бродили по пустыне. Конан не знал, как действует магия Гуайрэ. Может быть, королева-насекомое способна уничтожить всех, кто так или иначе был с нею связан, посылая магические импульсы на большое расстояние...

Конан полез через обломок наружу. Он забрался наверх и подал руку бритунцу. Олдин безмолвно уцепился за руку и вскарабкался вслед за спутником. Оба встали рядом на камне, осматриваясь.

От дворца ничего не осталось. Кругом рушились стены и падали камни. Потолок упал, уничтожив все, что было создано за долгие столетия: резьбу по камню, инкрустации, украшения, шелковые драпировки, серебряные чеканки...

Земля под ногами тряслась и содрогалась. Конан кивнул бритунцу, и оба одновременно спрыгнули вниз, оставляя зал с погребенной под завалами королевой позади себя. Беглецы прошли по тому, что еще несколько колоколов назад было коридором, и выбрались в следующий зал, где имелась лестница, ведущая наверх.

Ступени уже рухнули, выход был завален. Конан начал разгребать проход, хватая мощными руками огромные камни и отбрасывая их в сторону. Олдин помогал ему, как мог.

Все вокруг непрерывно гудело и тряслось. Казалось, земля под ногами вот-вот развернется, и ее жадное чрево погребет обоих беглецов.

— Берегись! — крикнул Олдин, мельком глянув наверх и заметив, что тяжелая масса песка и камня опасно сдвинулась с места.

Его голос не успел затихнуть, как то, что осталось от перекрытия, обвалилось и засыпало их обоих.

* * *

Конан открыл глаза и первым, что он увидел, было яркое голубое небо. Это зрелище меньше всего напоминало пиршественные чертоги, где погибшие со славой воины непрерывно пирут ив перерывах между возлияниями развлекаются смертельными поединками, поэтому Конан закономерно предположил, что он не погиб.

Он попробовал пошевелиться и не без удивления обнаружил, что в состоянии сесть. Что он и проделал.

Теперь он мог осмотреться по сторонам. Он находился в пустыне, в том месте, где, несомненно, когда-то был оазис. Высохшие стволы деревьев лежали поблизости, скрученные, как канаты, словно их истерзала какая-то злобная магическая сила. Их выбеленная древесина заставляла думать о костях.

Несколько камней с остатками искусственной резьбы были разбросаны поблизости. Это были очень древние обломки, если судить по тому, как ветра и солнце успели поработать над ними.

— Эй! — позвал Конан. — Олдин!

— Я здесь, — к великому удивлению киммерийца отозвался знакомый голос, и из-за поваленного ствола показалась растрепанная голова бритунского ученого. — Я здесь и даже жив, как это ни поразительно.

— Вас это тоже изумляет? — спросил киммериец, быстро приходя в себя. — Кром! Мы живы!

— Вот именно, — со стоном Олдин уселся на поваленный ствол и принялся растирать ушибленную ногу. — С тех пор, как на нас обрушился этот проклятый потолок, я решительно ничего не помню.

— Я тоже, — буркнул Конан. — Должно быть, мы как-то выбрались.

— В бреду? — осведомился Олдин. — Впрочем, подобные случаи описаны. Брат, находясь в бреду, спас сестру-недоумка, и потом никто не мог объяснить, что именно случилось и почему оба не пострадали...

— Вы так рассказываете, как будто всем хотелось, чтобы они пострадали, — заметил Конан.

— По большому счету, да, — пожал плечами Олдин. — Это было дело о наследстве. Но дети спаслись.

— Хорошая история, — вздохнул киммериец. — В конце концов, не имеет значения, как мы очутились здесь. Будем смотреть правде в глаза: мы живы, у нас нет ни лошадей, ни воды, ни припасов, и мы — посреди пустыни. Прекрасный способ умертвить нас наиболее болезненным и долгим способом.

— Вы сами не верите в то, что говорите, — рассердился бритунец. — Вы что, хотите испугать меня?

— Да, — сказал Конан.

— Ну так вам это удалось! А теперь давайте перейдем к делу, — Олдин вздохнул. — Что вы предлагаете?

Конан не ответил. Насторожившись, он вытянул шею и пристально всмотрелся в какую-то темную точку, которую только сейчас заметил впереди, за барханом.

— Тише! — остановил он приятеля, подняв руку. — Там кто-то есть.

Конан встал и вытащил из ножен кинжал — единственное оружие, которое у него еще оставалось.

— Оставайся здесь, — бросил он бритунцу, — я посмотрю, что там творится.

Он заскользил по песку, готовый в каждое мгновение схватиться с неведомым врагом. Олдин, не на шутку встревоженный, следил за ним.

Неожиданно Конан остановился, сунул кинжал в ножны и рассмеялся.

— Сюда! — крикнул он Олдину. — Сдается мне, я нашел разгадку нашего спасения!

Эпилог

Маленький городок Гоэ вырос на краю пустыни, как растут грибы после дождя. Должно быть, когда-то здесь была просто стоянка караванов, но постепенно вокруг коновязей начали возводить сараи, хижины, места для ночлега путников. Теперь Гоэ превратился в процветающий городок, население которого представляло собой пеструю смесь потомков самых разных народов и племен. Казалось, каждый караван, изо всех стран Хайборийского мира, оставил здесь потомство. — Трое путешественников сидели на ковре, расстеленном прямо на песке, под небольшим тростниковым навесом, и пили сильно разведенное вино. В качестве ужина им подали лепешки, смазанные топленым маслом. Песок остывал, пустыня нехотя отдавала ночи свое тепло.

— Не нужно господам еще чего-нибудь? — с приторной любезностью осведомился харчевник, кривоногий чернокожий человечек со сморщенным лицом.

— Нет, — ответил киммериец. — И оставь нас в покое.

— Хорошо-хорошо, — закивал человечек. — Как будет угодно господам.

Он отошел, но остановился так, чтобы иметь возможность наблюдать за этими тремя гостями. Кое-что в их облике настораживало опытного харчевника — а уж он-то на своем веку немало перевидал путешественников, самых разных, и о каждом мог быстро составить довольно точное представление.

Эти трое были явно не такими, как все. Рослый киммериец казался самым опасным во всей троице. Его огромный рост, широкие плечи и могучие мышцы вызывали у коротышки-харчевника почти мистический ужас. Черная грива спутанных волос свидетельствовала о необузданности нрава, а ярко-синие горящие глаза выдавали человека, готового в любое мгновение вспыхнуть гневом.

Именно поэтому харчевник не стал спорить и подал в обмен на две медных монетки (все, что завалялось в кошеле у Конана) кувшин вина — правда, разбавленного почти до прозрачности, — и три лепешки, да еще с маслом.

Второй путешественник вызывал куда меньше вопросов и опасений. Несомненно, он являлся бритунцем. Одежда его пообтрепалась, но когда-то она была довольно щегольской и, вероятно, составляла предмет некоторой гордости своего владельца. Он все время оглядывался по сторонам, время от времени задерживая задумчивый взор то на одном предмете, то на другом. Очевидно, пытался запомнить увиденное.

Харчевник слышал, как он со вздохом обратился к своему рослому спутнику-варвару:

— Как жаль, Конан, что я потерял мои таблички и все мои записи, сделанные по пути!

— Вы всегда сможете восстановить их по памяти, дружище, — прозвучал ответ варвара.

— К сожалению, у меня плохая память, — сокрушенно сказал бритунец. — Поэтому я все и записываю.

— У вас плохая память именно потому, что вы все записываете, — возразил Конан. — Вот если бы вы не умели писать, вы хранили бы каждое впечатление в уме. Цивилизованное человечество сильно проиграло, когда обратилось к письменности. Здешние так называемые «дикари» знают наизусть генеалогию своего рода до шестидесятого поколения, а кроме того могут рассказать вам тысячи преданий

своего племени. И все потому, что они не имеют письменности.

— Я это учту, — сказал бритунец, глаза которого разгорелись при мысли о том, что он, быть может, сумеет послушать предания дикарских племен (и за писать их для последующего доклада в Академии).

Некоторое время они молча насыщались.

Третий их спутник был молодым человеком, зим, быть может, двадцати с небольшим. Судя по внешности, его можно было, скорее, принять за единоплеменника ученого бритунца, нежели за сородича верзилы-киммерийца. Волосы у него были светлые, глаза — бледно-зеленые, с желтоватыми точками вокруг зрачков. Вообще же он был, что называется, невзрачный и щуплый. Это впечатление усиливалось неуверенной, какой-то приниженней манерой держаться.

Ученый бритунец обращался с ним покровительственно, а варвар вообще практически не обращал на него внимания.

«Парень похож на человека, который недавно перенес тяжелую болезнь, — подумал харчевник, и на сердце у него лег камень. — Только этого мне не хватало! Если он болел, то, не исключено, что демоны лихорадки еще не вполне покинули его. А это значит, что в любой момент эти самые демоны могут переселиться в моих постояльцев или в меня самого! Как бы

половчее избавиться от этих неудобных гостей? Денег у них нет, это очевидно, а один из их товарищей хворает... Если бы не кулачищи киммерийца, я бы уже давно указал им путь подальше отсюда...»

* * *

— Мы не можем просто так взять и уйти, — приглушенно говорил Олдвин. — У меня до сих пор стоят перед глазами эти сундуки и ларцы, набитые до краев несметными сокровищами.

— Вспомни, что там творилось, когда мы уносили оттуда ноги, — возразил ему Конан. — На нас повалилась целая гора песка. Если бы не Эан, мы давно бы были мертвы.

Оба они повернулись к молодому человеку, который медленно покраснел.

— Вы были добры ко мне, — пробормотал он. — Я не мог оставить вас погибать. Когда я сидел в своей трясине, я вдруг услышал громкий крик Гуайрэ. Она кричала, что погибает, что теперь ей придется всех уничтожить и начать строить свой мир заново,

с людьми, которые никогда, не видели ее истинного облика... Из всех, кому она представляла в таком виде, в живых был оставлен лишь я один. И то — по тому только, что сам я превратился в чудовище.

Я подумал о вас, о моих друзьях... О первых нормальных людях, которые разговаривали со мной так, словно я был им ровней. И кроме того... — он опустил глаза и признался: — Кроме того, я хотел увидеть агонию Гуайрэ. Да, мне необходимо было убедиться в том, что она мертва! Что погибло чудовище, которое уничтожило мою семью, мой караван, которое исказило мою жизнь и извратило мою натуру! Она надругалась над моей любовью...

— Давай не будем рассуждать о твоей любви, — остановил его Конан. — Насколько я помню, ничего хорошего из этой страсти не получилось. Ты не был счастлив, а закончилось все убийством...

Я только молю богов о том, чтобы смерть моего соперника была искуплена, — прошептал Эан. — Я так раскаивался в содеянном! Я мечтал вернуть его к жизни, но... сделанного не обратишь вспять. Итак, я услышал агонию Гуайрэ, я внял ее предсмертному воплю — и побежал под землей, сквозь пески, навстречу к моей бывшей возлюбленной. Я и сам не знал, любил я ее в тот миг или ненавидел.

— Очень сложная гамма переживаний, — заметил Олдвин ученым тоном.

Эан моргнул и вдруг заметил на лице бритунца улыбку.

— Вы смеетесь надо мной?

— Вовсе нет, Эан. Это весьма распространенное явление: когда человек не в состоянии определиться со своими чувствами. Но продолжай. Эта история каждый раз звучит немного по-новому.

— Хорошо... — Эан вздохнул. — Я увидел, что все мертвы. Многие уже погружались в песок. Они проплывали мимо меня. Я вижу в песке так же хорошо, как некоторые рыбы видят в воде. В трясину уходили и черноволосые воины, и белокурые возлюбленные Гуайрэ. И сама она с мечом, торчащим из ее лица, опускалась все ниже и ниже, как будто само чрево земли засасывало ее... Она была прекрасна. Юная девушка с гибкой талией, с пышной грудью, с невинными руками... Ее золотые волосы развевались, ее губы улыбались нежно и призывающе, один глаз взирал на меня с лаской, а из второго вырастал длинный клинок...

Эана передернуло, и он поскорее отпил глоток вина. Конан хмыкнул:

— В этом пойле больше воды, чем вина. Вряд ли оно поможет тебе захмелеть.

Я хмелею от воды, — возразил Эан. — Это питье для меня в любом случае непривычно. Я

слишком много времени провел в песках. Иногда мне кажется, что я сам состою из песка.

— Смерть Гуайрэ освободила тебя, — сказал Конан.

... Да, это Эан разыскал своих новых знакомцев посреди руин обвалившегося дворца и вытащил их наружу. Нечеловеческая сила рук чудовища спасла жизнь киммерийцу и его приятелю. Эан выволок их на поверхность и уложил на песке, а после этого вдруг почувствовал себя дурно.

Из последних сил песчаный монстр отполз в сторону и рухнул в песок. Неведомая сила терзала его плоть, изменяя его тело. Он не понимал, что с ним творится. У него не было ни малейшего представления о том, какую еще злую шутку может сыграть с ним судьба. И возможности противиться этому у него тоже не оставалось. Поэтому Эан просто покорился происходящему.

Адская боль заставляла его содрогаться. Его руки и ноги выворачивались в суставах, с лица, с боков, со спины и живота как будто сдирались целые пласти плоти. И наконец свет померк перед глазами Эана. Наступила ночь, и с нею пришло желанное забвение.

Когда Эан очнулся, он увидел рядом с собой киммерийца. Им потребовалось немного времени, чтобы выяснить, что же, собственно, случилось.

— Чары Гуайрэ разрушены, — сказал Конан. — Это чудо, что ты жив. Я думаю, что все остальные погибли.

— Возможно, те, кто находился вдали от оазиса, остался в живых, — возразил Эан.

— В любом случае, нам нужно выбираться отсюда, — сказал Конан решительно.

И все трое двинулись прочь от разрушенного царства Гуайрэ. Эан знал, казалось, каждую песчинку на много полетов стрелы вокруг. Он провел своих спутников через зыбучие пески по единственной существующей там незримой тропинке. Именно благодаря Эану они не погибли в раскаленных песках. Песчаный человек чувствовал, где находится вода, и несколько раз отыскивал старые заброшенные колодцы, пустовавшие с тех пор, как люди оставили древние караванные тропы.

На третий день их путешествия они увидели в песке человеческий скелет. Конан равнодушно скользнул по нему взглядом, но Эан остановился возле костей и долго их рассматривал. Наконец молодой человек заговорил:

— Помните, мы пытались понять, что случилось с теми, кто не находился во дворце Гуайрэ, когда там все рухнуло?

— Да, — отозвался Олдин, заинтересованный. — А что, ты обнаружил нечто интересное?

— Не знаю, насколько о мертвеце можно сказать, что он представляет собой «нечто интересное», — возразил Эан. — Но я уверен, что перед нами — то, что осталось от одного из воинов Гуайрэ. Все они были убиты ее предсмертной магией. Теперь у меня в этом нет никаких сомнений.

— Почему же; мы с Олдином живы? — спросил Конан.

— Потому, что вы не согласились отдать Гуайрэ свою природу в обмен на бессмертие, — ответил Эан. — Я ведь говорил вам об этом и раньше.

— Точно, — кивнул Олдин, — говорил. И ты представить себе не можешь, мальчик, до какой степени мы благодарны тебе за совет!

Конан отмолчался, лишь ухмыльнулся безмолвно. Он-то помнил, с каким отвращением Олдин отнесся к песчаному чудовищу. Впрочем, напоминать об этом не было смысла. Они действительно должны быть благодарны Эану, если не за совет, то за свое спасение из-под завалов.

— Нужно найти людей, — только и сказал киммериец.

Они находили еще скелеты, одни принадлежали бывшим товарищам Эана, другие — нет; все

они остались далеко позади. И в конце концов путники очутились в городке на краю пустыни, где им предоставили ночлег и еду.

— Тушканчики, определенно, надоедают, — сказал Олдин, доедая свою лепешку и обтирая жирный рот.

— Вы уверены, мой ученый друг, что нам следует вернуться в бывший оазис? — спросил Конан.

— Мне казалось, что такие люди, как вы, склонны к авантюрам, — сказал Олдин, устремляя на киммерийца горящий взгляд. — Неужели вас не впечатлили мои рассказы о несметных богатствах?

Конан вздохнул.

— Не слишком-то я в них поверил, если уж честно говорить.

— Нет, — вмешался Эан, — богатства существуют. Я знаю, потому что не раз играл с ними, когда находился в покоях моей королевы. Она держала их в сундуках и ларцах, все точь-в-точь как описывает Олдин. Они — настоящие, не иллюзорные. Они не были созданы ее магией, как те несчастные, что ей прислуживали.

— Следовательно, — произнес Конан, — они лежат где-то в песках и ждут, пока кто-нибудь умный и отважный, — при этих словах киммериец приосанился, — придет и заберет добычу?

— Приблизительно так, — кивнул Эан.

В глазах Олдина появился лихорадочный блеск. Конан встретился с ним взглядом, и рот киммерийца медленно растянулся в хищной улыбке.

OCR: ivminin

WWW.CIMMERIA.RU